

18+ Алиса Беспалова

Исцеление сквозь миры

Алиса Беспалова

Исцеление сквозь миры

<https://litres.ru/74301813>

ISBN 9785007084291

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

На страну обрушилась странная эпидемия алкоголизма — она стирала волю и ломала судьбы, прячась в самых обычных буднях. Эрика, медсестра до глубины души, приехала в Здравград, чтобы спасти подругу, но быстро поняла: отсидеться в стороне не выйдет. Рядом с ней — Радомир, пришедший из другого мира и ставший её надёжной опорой. Это история о дружбе, что не даёт упасть, когда сил уже нет, и о любви, способной согреть даже в самой густой тьме.

Содержание

От автора	5
Глава 1. Обычная помощь	7
Глава 2. Тени в белом коридоре	17
Глава 2 (часть 2). Надежда есть	20
Глава 3. Дорога в новый мир	26
Глава 3 (часть 2). Дорога перемен	30
Глава 4. Знакомство с новым миром	36
Осмотр Венеры	44
Устройство Эрики	45
Глава 5. Два пути: Венера и Эрика	48
Глава 6. Ритм жизни	60
Глава 7. Пробуждение дара Эрики	64
Глава 8. Тайны дневника	72
Глава 9. В чужом времени	83
Глава 10. Первые лучи новой жизни	111
Глава 11. Искры прошлого	123
Глава 12. Путь к доверию	144
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Исцеление сквозь миры

Алиса Беспалова

© Алиса Беспалова, 2026

ISBN 978-5-0070-8429-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогой читатель,

прежде чем ты шагнёшь в этот мир, с его магией, тенями, вампирами и рассветами, которые пахнут надеждой, я хочу сказать тебе несколько слов от себя, просто как человек, который слишком много видел.

Последние годы моя жизнь тесно переплелась с наркологией. Я как столкнулась с зависимостью в своей семье, так и каждый день встречала её в чужих судьбах. Смотрела в глаза людям, которые не были «плохими», не были «слабыми» в привычном смысле — они просто сбились с пути. И с каждым новым разговором, с каждой попыткой помочь становилось всё тяжелее от одной и той же мысли: перед тобой не враг, не наказание, не повод для презрения. Перед тобой заблудшая душа, которой отчаянно нужна рука, протянутая вовремя.

Именно это чувство, беспомощность перед чужой бедой и одновременно упрямое желание не отворачиваться, и родило эту книгу. Я не хотела писать сухую лекцию или строгий учебник о том, как «надо» и «не надо». Мне хотелось рассказать об этом иначе, через историю, где боль прячется за магией, а спасение приходит не из кабинета врача, а из верности друзей, из смелости сказать «я с тобой», из готовности рискнуть собой ради того, кто потерялся.

В этой книге зависимость — это не просто диагноз. Это лярвы, тёмные духи, что шепчут на ухо и тянут вниз. Это сила, которая умеет казаться судьбой. Но ещё это, возможность быть спасённым. Потому что рядом всегда может оказаться тот, кто увидит не «проблему», а человека. Кто не станет судить, а просто встанет рядом и скажет: «Ты не один. Мы вытащим».

Я верю, что иногда самое сильное лекарство — это понимание. И если эта история поможет хоть кому-то не отвернуться от того, кто сбился с дороги, если она напомним: зависимость — это болезнь, а не клеймо, и человек в ней не виноват так, как нам порой хочется думать, значит, каждая бессонная ночь над строками была не зря.

Пусть эта книга станет для тебя не просто приключением, а напоминанием: даже в самой густой тьме кто-то может зажечь фонарь. И этим кем-то можешь быть ты.

С теплом и надеждой, Алиса Беспалова.

Глава 1. Обычная помощь

Телефон на прикроватной тумбочке затрещал резко, словно выстрелил. Эрика, не открывая глаз, нашарила трубку.

— Эрика, детка, ты меня слышишь? — голос Натальи Ивановны дрожал, как натянутая струна.

Эрика рывком села на кровати. Сон слетел мгновенно.

— Да, тётя Наташа, я здесь. Что случилось?

— Она опять напилась, — коротко выдохнула бабушка в трубку. Послышался тяжёлый вздох, — Я не справляюсь. Приходи, пожалуйста, прокапай её. Только ты умеешь это делать так, чтобы она не вырывалась.

Эрика сжала трубку. Слова «опять» и «не справляюсь» резали слух. Она знала, что за этой сухой фразой скрывается хаос: разбросанные пустые бутылки, запах перегара, бессонные ночи Натальи Ивановны и та самая Венера — бледная, с лихорадочно блестящими голубыми глазами, которая в порыве отрицания могла разбить флакон с лекарством о стену.

— Я выбегаю, — коротко ответила она.

Эрика знала маршрут наизусть, от её дома до старой двухэтажки на окраине, где жили бабушка с Венерой.

Дверь открыла Наталья Ивановна — под глазами тёмные круги.

— В спальне, — махнула она рукой и тут же ушла на кух-

ню, будто стыдясь происходящего.

Эрика осторожно толкнула дверь.

Венера лежала на кровати, свернувшись калачиком. Её светлые коротко стриженные волосы растрепались, юбка в стиле бохо сбилась набок, обнажая худые ноги. На шее, словно тёмный оберег, выделялась татуировка — мандала. Левая рука с четырёхлистным клевером безвольно свисала с кровати. Мышцы в тонусе, от алкоголя не слушались ещё сильнее обычного.

— Вень, — тихо позвала Эрика, закрывая за собой дверь.

Девушка подняла голову. Голубые глаза смотрели мутно, но в них всё ещё теплился тот самый блеск, за который Эрика боролась все эти годы.

— Привет, док, — хрипло усмехнулась Венера, пытаясь сесть. Тело задрожало от усилия.

— Давай без глупостей. Я поставлю капельницу, а потом ты выпьешь сорбент, договорились?

Венера не ответила. Лишь прикрыла глаза, будто сдаваясь.

Эрика привычно расстегнула рубашку подруги, оголяя вены. Пальцы действовали уверенно, точно — она делала это уже сотни раз.

— Расслабь руку, — скомандовала она, натягивая жгут.

— Не напрягай кисть, иначе вены спрячутся.

Она нашла вену с первого раза и ввела иглу. Капельница зашипела — пошёл физраствор.

— Ну что, подруга, опять решила устроить бабушке ин-

фаркт? — спросила Эрика, закрепляя систему на штативе. Её голос был нарочито строгим, но в углах губ дрожала едва заметная улыбка.

— Да ну тебя... Я просто... устала, — ответила Венера.

Эрика подняла бровь.

— От чего? От того, что сама себя мучаешь? От того, что твои татуировки кричат о поиске гармонии, а ты тонешь в бутылке?

Она говорила резко, но в глазах читалось волнение. Она знала, что иногда только жёсткая правда может пробить стену отрицания.

— Мандала на шее — символ баланса, клевер — символ удачи, а ты сейчас балансируешь на краю. И никакой клевер тебя не спасёт, если сама не остановишься, — покачала головой Эрика.

Венера закрыла глаза, но в уголках блеснули слёзы.

— Я не могу остановиться, — прошептала она. — Я боюсь...

— Чего боишься? — Эрика присела на край кровати, понизив голос.

— Что если я перестану пить, то перестану чувствовать вообще, что-то... Даже боль. А я не хочу снова чувствовать эту пустоту внутри, — тихо ответила Венера.

Эрика наклонилась. Её ладонь легла на руку подруги — лёгкая, но твёрдая поддержка, без слов говорящая: «Я здесь».

— Ты чувствуешь? Ты чувствуешь меня? Слышишь мой голос? Видишь эти дурацкие нравоучения? Ты живая, и ты сильнее, чем думаешь. Просто, дай себе время, — сказала Эрика твёрдо, но с теплом в голосе.

Она достала из сумки упаковку сорбента и бутылку воды.

— Глотай. Постарайся поспать. Я останусь здесь, пока капельница не закончится, — добавила она, аккуратно протягивая подруге таблетки.

Венера на мгновение замерла, будто пытаясь осознать сказанное. Её пальцы неуверенно взяли сорбент. Эрика терпеливо ждала, не отрывая взгляда, — её присутствие само по себе было поддержкой.

Венера постепенно расслабилась, её дыхание стало ровным и глубоким. Она наконец уснула.

Эрика осторожно сняла капельницу, прикрыла плечи подруги одеялом и на мгновение задержалась у кровати, вслушиваясь в мирное дыхание Вени.

Девушка тихо вышла из спальни и направилась на кухню. Кухонька была крошечной — хватало места для стола, двух стульев и старенькой плиты. Обстановка предельно бедная, но всё сияло чистотой: клеёнка аккуратно расправлена, чашки, расставлены, выстиранное добела полотенце висело на ручке шкафа. Потрескавшаяся краска на стенах, старый холодильник с едва слышным гулом — всё говорило о долгих годах службы. Но бабушка изо всех сил старалась поддерживать порядок.

Наталья Ивановна сидела у окна, сторбившись, и машинально перебирала край фартука.

При виде Эрики она подняла глаза — в них читалась усталость, смешанная с бесконечной тревогой.

— Спасибо, детка, — тихо сказала она; голос дрожал. — Ты единственная, кто может с ней справиться.

Эрика села напротив, чувствуя, как наливается усталость после бессонной ночи.

— Тётя Наташа, она же не со зла... — начала было Эрика. Бабушка перебила её, и в голосе прозвучала непривычная твёрдость:

— Поговори с ней, объясни ей, что я не вечная. Мне уже восемьдесят лет, а такие «развлечения» здоровья и молодости мне не прибавляют. Я не хочу уходить, зная, что она так и не нашла себя, что всё... — она вздохнула, и на секунду её плечи опустились ещё ниже.

— Я помню, какими вы были в детстве: две весёлые девчонки, мечтали о будущем. А теперь... Она же умная, талантливая — а тонет в этом...

Наталья Ивановна замолчала и лишь махнула рукой. Эрика молча кивнула. Она понимала, что бабушка права, но не знала, как тяжело будет донести эти слова до Венеры.

— Я постараюсь, — тихо ответила она.

Бабушка слабо улыбнулась, и в этой улыбке было столько благодарности, что у Эрики защемило сердце.

— Иди отдыхай хоть немного, детка, ты же ещё на работу,

— сказала Наталья Ивановна.

— Пора, — Эрика поднялась. — Если что, звоните сразу. Наталья Ивановна кивнула, провожая её взглядом.

Уже веяло рассветом: небо порозовело, первые лучи солнца пробивались сквозь облака, освещая обшарпанные дворы старого района. Эрика шла медленно, почти механически прикуривая по пути сигарету — усталость накатывала волнами.

Двор, через который она шла, был знаком до мелочей. Вот старая детская площадка: качели без одной цепи, горка с облупившейся краской. Ещё несколько лет назад здесь кипела жизнь. В маленьких магазинчиках продавали свежие булочки и сувениры ручной работы, а теперь на их месте, бесконечные «наливайки» и пивные ларьки с запотевшими стёклами.

На лавочках у подъезда, где раньше с самого утра сидели старушки и играли дети, расположились компании с хриплыми голосами — они громко разговаривали и смеялись невпопад. В песочнице сиротливо валялись пустые банки и окурки — вот и всё, что осталось вместо детских лопаток. Эрика замедлила шаг, глядя на то как умирает её родной Малиновск.

«Как быстро всё изменилось...» — подумала она.

В памяти всплыли картины из детства: мама ведёт её за руку мимо булочной, откуда доносится аромат свежего хлеба; на рынке яркие ткани переливаются на солнце, туристы покупают открытки с видами города. Теперь витрины мага-

зинов заколочены, асфальт изъеден выбоинами, на стенах домов, выцветшие объявления о продаже квартир.

Она вспомнила, как они с Венеркой бегали здесь после школы, делили пополам мороженое и строили планы на будущее. Тогда всё казалось таким светлым и ясным... А теперь Малиновск, как и Венера, тонули в какой-то тёмной бездне. И Эрика чувствовала, что должна спасти их обоих.

Эрика открыла дверь своего дома тихо, почти бесшумно — привычка, выработанная годами ночных смен. В прихожей пахло ванилью и старыми книгами. Бабушка Ирина Савельевна любила печь по утрам и всегда оставляла что-нибудь к чаю.

— Эри! — донёсся из кухни знакомый голос. — Это ты?

— Да, бабуль, — улыбнулась Эрика, скидывая кроссовки. — Устала. Я ненадолго — через пару часов на смену.

Она прошла на кухню. Ирина Савельевна сидела у окна: в руках — вязальные спицы, на коленях клубок шерсти. Перед ней чашка с остывшим чаем.

— Выглядишь вымотанной, — бабушка внимательно посмотрела на внучку. — Опять к Венерке бегала?

Эрика опустила на стул, потёрла виски.

— Да, опять. Наталья Ивановна позвонила ночью. Веня опять напилась, — ответила она.

Бабушка отложила вязание, подвинула к Эрике тарелку с печеньем, налила чаю.

— Рассказывай, просто сказала она.

Эрика вздохнула, обхватила чашку ладонями, согреваясь.

— Всё как обычно. Прихожу — Венера спит, вся измученная. Наталья Ивановна на кухне, глаза красные — не спала две ночи. Ставлю капельницу...

— Она, бабуль, такая слабая стала. Не только от алкоголя... Внутри она как будто ломается.

Ирина Савельевна помолчала, потом тихо спросила:

— Что сказала Наташа?

— Попросила поговорить с Венерой. Сказала: «Объясни ей, что она не вечная. И такие «развлечения» здоровья не прибавляют. — Голос Эрики дрогнул. — И знаешь, она права... Но как это сказать Венере? Она же сразу замкнётся, начнёт винить себя ещё сильнее.

Бабушка кивнула задумчиво, постукивая пальцами по столу.

— Ты ведь помнишь, как с Венеркой в детстве дружили? — спросила она. — Две непоседы, вечно что-то выдумывали... Венера тогда ещё не знала про диагноз, думала, что просто неуклюжая, а ты её всегда защищала.

Эрика улыбнулась сквозь слёзы.

— Да, мы строили шалаши в сирени, делили пополам мороженое. Венера всегда смеялась громче всех... А теперь она будто боится быть счастливой, думает, что не заслужила.

— В этом вся беда, — вздохнула Ирина. — Она не простила себя за то, чего не совершала. И пока не простит, будет тонуть. Ну что мне делать? — Эрика сжала чашку. — Я

не могу бросить её, но и сил уже почти не осталось: смена в реанимации, потом к Венере, потом снова смена... Я боюсь, что однажды просто не справлюсь.

Бабушка встала, подошла к внучке и положила ей руку на плечо.

— Ты не одна, — твёрдо сказала она. — Помни об этом. Я с тобой, Наталья Ивановна с тобой, и Венера — хоть и борется сама с собой — тоже с тобой. Но ты должна беречь себя. Без тебя она точно пропадёт.

Эрика подняла глаза на бабушку. В этих словах было столько тепла и смысла, что внутри что-то отступило.

— Спасибо, бабуль, — прошептала она. — Иногда мне кажется, что только твои слова и держат меня на ногах.

Ирина Савельевна улыбнулась, потрепала её по рыжим волосам.

— Пей чай, отдыхай — у тебя ещё два часа. А я пока довяжу тебе носок, чтобы в реанимации ноги не мёрзли, — подмигнула бабушка.

Эрика рассмеялась — впервые за долгое время искренне.

— Только не зелёный с оранжевым, как в прошлый раз, ладно?

— А вот и сделаю, — подмигнула бабушка, — чтобы ты улыбалась, когда на них смотришь.

Эрика сделала глоток чая. Он был сладким, с нотами мяты — как в детстве. На мгновение она почувствовала себя маленькой девочкой, которой ничего не страшно, потому что

рядом бабушка.

Усталость всё ещё давила на плечи, но теперь она знала: она не одна. И пока есть эта связь, она будет бороться.

Глава 2. Тени в белом коридоре

Эрика вошла в реанимацию привычно, почти механически: халат, маска, перчатки.

Утренний обход начинался с тяжёлого вздоха — за ночь поступило трое новых пациентов. Она пробежала глазами по спискам:

алкогольный делирий, алкогольная интоксикация, острый панкреатит на фоне злоупотребления...

«Опять», — мелькнуло в голове. Ещё месяц назад такие диагнозы встречались раз в неделю. Теперь — каждый день, по два-три случая.

Она двинулась по коридору, привычно отмечая детали. Лицо дежурного анестезиолога

Олега Викторовича выглядело осунувшимся, под глазами — тёмные круги. Санитарка Таня нервно теребила ветошь, избегая взгляда. В воздухе витал странный запах — не привычный антисептик, а что-то сладковатое, спиртовое.

— Ты видела Титаренко? — тихо спросила старшая медсестра Маргарита Александровна, перехватив Эрику у поста. — Вчера его забрали с делирием прямо из отделения. Третий случай за месяц среди персонала.

Эрика замерла. Титаренко был опытным реаниматологом, всегда собранным, надёжным.

— Но как?..

— Никто не понимает, — вздохнула Маргарита Александровна. — Говорят, это по всему городу. В приёмном покое очереди из «белых горячек». В травме — пьяные ДТП каждые два часа. Даже в детской поликлинике — подростки с интоксикацией...

Эрика подошла к палате №4. За стеклом лежал мужчина лет сорока. Глаза широко раскрыты, руки дрожат, он бормочет что-то невнятное.

— Третий день в делирии, — пояснил дежурный врач Василий. — Говорит, что за ним следят. Видит тени в углах. И самое странное — утверждает, что не пил две недели до этого, весьма долгий срок трезвости для делирия.

«Не пил две недели», — повторила про себя Эрика. Она вспомнила Венеру. Та тоже, когда-то говорила: «Я не хотела, оно само...».

В ординаторской пахло кофе и... спиртом. Молодой интерн Артём сидел, уткнувшись в телефон, рядом стояла бутылка минералки с характерным запахом.

— Тёма, что это? — строго спросила Эрика.

— Да так, нервы, — пробормотал он. — Тут же ад творится. Все пьют. Как будто что-то в воздухе... Или в воде.

Она вышла на улицу в обеденный перерыв. Город выглядел иначе. Раньше здесь были кафе, книжные магазины, детская площадка. Теперь — вывески «24 часа», «Пиво на разлив», «Крепкие напитки». У ларька толпились люди с пустыми глазами. Женщина лет тридцати спотыкалась, роняя

сумку, но никто не помог.

Телефон завибрировал. Сообщение от Венеры: «Эри, мне страшно. Опять эти голоса. Я не пила, честное слово. Но они говорят, что я должна...»

Эрика сжала телефон. Совпадение? Или часть чего-то большего?

Вечером, заполняя карту очередного пациента с алкогольным психозом, она записала в блокнот:

Наблюдение 1. Рост случаев алкогольной интоксикации в 3—4 раза за последний месяц.

Наблюдение 2. Поражение всех социальных групп: от подростков до пенсионеров.

Наблюдение 3. Заболевание среди медперсонала (уже 5 случаев).

Наблюдение 4. Странные симптомы: галлюцинации без длительного употребления, внезапное начало.

Гипотеза. Что-то распространяется. Но что?

Она подняла глаза на часы. До конца смены — два часа. До встречи с Венеркой — три. Город тонул в тумане, и Эрика поняла: чтобы спасти подругу, ей придётся разобраться, что происходит на самом деле.

Глава 2 (часть 2). Надежда есть

После рабочей смены Эрика встретила с Венерой у старого сквера — того самого, где они когда-то катались на качелях. Венера выглядела непривычно трезвой, но её глаза выдавали страх.

— Всё это... просто кошмар какой-то, — тихо сказала она, обводя рукой улицу. — Я правда хочу остановиться. Пробовала и «Анонимных алкоголиков», и частные центры — ничего не помогает. А город будто с ума сошёл...

Она кивнула на витрину за спиной Эрики. Там, где когда-то была уютная булочная с ароматными круассанами, теперь красовалась вывеска «Пивная №1».

— Помнишь, как мы сюда за булочками бегали? — голос Венеры дрогнул. — А теперь на каждом углу эти ларьки... И люди... Они просто идут и пьют на ходу, будто это вода. На улицу страшно смотреть.

Эрика вздохнула, чувствуя, как внутри всё сжимается от бессилия. Она взяла подругу за руку:

— Пойдём ко мне. Бабушка наверняка что-нибудь вкусненькое испекла. Посидим, подумаем, что делать дальше. И что мы будем делать с тобой...

Дома их встретила Ирина Савельевна с тёплыми объятием и ароматом пирожков с капустой. Пока девушки устроились за столом, бабушка разливала чай и вдруг сказала:

— Девочки, я тут новости посмотрела... Это не только наш город. Уже полстраны охвачено этой эпидемией. Случаи алкогольной интоксикации растут в геометрической прогрессии.

Она помолчала, помешивая сахар в чашке, а потом решительно подняла глаза:

— Но я придумала, как нам выбраться из этой ситуации. Мне посоветовали обратиться к опытному наркологу, лет пять назад работал в государственном диспансере. Через него можно попробовать: выбить направление для Венеры на реабилитацию — там целый закрытый город из наркологических центров, специально созданный для лечения зависимых; устроить Эрику вахтовым методом медсестрой в этот же комплекс — там всегда нужны руки, а условия лучше, чем здесь.

Венера замерла, не донеся чашку до рта.

— Закрытый город? — переспросила она. — Это как тюрьма?

— Нет, — мягко поправила Ирина Савельевна. — Это место, где созданы все условия для выздоровления. Там нет доступа к алкоголю, есть программы реабилитации, трудотерапия, психологи. И самое главное — там люди с похожей проблемой, они поддерживают друг друга.

Но Венера вдруг побледнела:

— А бабушка?.. Я не могу её оставить одну. Она же без меня пропадёт. Ей уже восемьдесят, она еле ходит...

Ирина Савельевна мягко улыбнулась и накрыла руку Венеры своей:

— Милая, а мы можете съехаться в одну квартиру. Вторую попытаемся сдать — будет дополнительный доход. Так мы и рядом останемся, и помощь друг другу окажем.

Венера закусила губу:

— Но ведь чтобы получить направление в этот центр... нужно встать на учёт у нарколога. Я столько лет этого избегала — благодаря Эрике меня никогда не фиксировали официально. А теперь придётся...

Эрика сжала её ладонь:

— Веня, это единственный шанс. Лечение в частном центре анонимно, стоит огромных денег. У нас их нет. А здесь — реальная помощь, и я буду рядом.

Ирина Савельевна кивнула:

— Давай я сама позвоню Наталье Ивановне. Объясню ей наш план. Она умная женщина, она поймёт.

Через полчаса Ирина Савельевна уже говорила по телефону с бабушкой Венеры. Та сначала волновалась, но постепенно её голос смягчился.

— Да, я понимаю твои опасения Наташа, — говорила Ирина Савельевна. — Но это не изоляция, а поддержка. Там Венера будет под присмотром, с ней будут работать специалисты. А Эрика будет рядом — она устроится медсестрой. Мы все поможем. Это шанс начать всё сначала.

Когда Ирина Савельевна положила трубку, она улыбну-

лась:

— Она согласна. Говорит, что давно молилась о таком шансе для Венеры.

Эрика вдруг опустила глаза, в голосе зазвучала неуверенность:

— Но... я же никогда не работала в наркодиспансере. Я с самого училища в реанимации.

Вдруг я не справлюсь? Вдруг сделаю что-то не так?

Венера резко повернулась к ней, глаза заблестели от слёз, но голос звучал твёрдо:

— Эри, ты что? Ты же благодаря мне и моей зависимости перечитала кучу книжек по наркологии! Ты уже знаешь гораздо больше, чем любой нарколог. Ты справишься. Ты сможешь! Ты сможешь! Ты сможешь!

Она взяла подругу за плечи и заглянула в глаза:

— Ты лучше всех врачей знаешь, что с нами делать. Тебя обязательно возьмут туда. Тебе напишут самые лучшие рекомендации — просто поверь мне.

Эрика покачала головой, всё ещё сомневаясь:

— Но это же другая сфера...

— Давай попробуем уже, — перебила Венера. — Даже я согласна, и бабушка моя согласна. Ведь другого шанса у нас нет, и не будет. Мир умирает, Эри. Посмотри, что делается... Поехали!?

Эрика долго молчала, глядя в окно. Где-то на улице снова раздались пьяные голоса.

Наконец она подняла глаза — в них мелькнула искра надежды.

Венера на мгновение замолчала, потом тихо добавила, опустив взгляд:

— Только... я боюсь, что из-за ДЦП мне будет сложнее, чем другим. Физические нагрузки, трудотерапия... Вдруг я не потяну? Вдруг стану обузой для всех?

Эрика тут же обняла её за плечи:

— Веня, послушай меня. В этом центре работают профессионалы. Они знают, как адаптировать программы под особенности каждого пациента. У тебя не просто ДЦП — у тебя огромная сила воли. Ты столько раз поднималась после падений, столько раз начинала сначала. Это и есть твоя суперсила. И я буду рядом — каждый шаг, каждый день.

Венера подняла глаза — в них всё ещё читалась тревога, но теперь к ней примешалась робкая надежда.

— Правда?

— Конечно, — улыбнулась Эрика. — Мы справимся. Вместе.

— Хорошо, — прошептала она. — Давай попробуем. Ради бабушек. Ради нас обеих.

Ирина Савельевна улыбнулась и пододвинула к ним тарелку с пирожками:

— Вот и славно. Завтра начнём оформлять документы. А сейчас — ешьте, пока горячие.

Венера взяла пирожок, чувствуя, как в груди зарождается

робкая надежда. Возможно, это и есть тот шанс, которого они так долго ждали.

Глава 3. Дорога в новый мир

Девочки остались ночевать у Эрики. Ночь прошла тревожно: Венера несколько раз просыпалась, ворочалась, вздыхала, а Эрика, хоть и старалась дышать ровно, тоже почти не сомкнула глаз — мысли крутились вокруг предстоящих испытаний.

Утром Венера вместе со своей бабушкой Натальей Ивановной отправились к наркологу.

Эрика тем временем начала готовить документы для переезда: запрашивала характеристику с места работы и связывалась с администрацией закрытого реабилитационного комплекса, уточняя список необходимых бумаг для трудоустройства медсестрой.

В кабинете нарколога Наталья Ивановна растерянно сжимала в руках платок. Врач Максим Андреевич Моисеев, мужчина около шестидесяти лет, с неприятным выражением лица и хитринкой во взгляде, неторопливо объяснял условия получения направления:

— Да, вам нужно будет встать на учёт. Но учтите, — он сделал паузу и многозначительно посмотрел на бабушку Венеры, — процесс оформления и само лечение не бесплатны. Есть определённые... организационные расходы.

Наталья Ивановна побледнела. Они с Венерой молча переглянулись. Венера опустила глаза, чувствуя вину за то,

что снова становится обузой. Бабушка вздохнула, расправила плечи и тихо сказала:

— Мы найдём деньги.

Она не стала уточнять, что это будут их «похоронные сбережения», те самые, что они годами откладывали «на чёрный день». Теперь этот день настал. Той же ночью Наталья Ивановна и Ирина Савельевна встретились, сложили вместе свои накопления и отсчитали нужную сумму. Утром Эрика и Венера сами передали взятку наркологу, направление для Венеры было получено. Тем временем Эрика завершила все формальности: написала заявление на увольнение.

Прощание с коллегами далось тяжело, её ценили как отличного специалиста, опытную медсестру, умеющую сохранять хладнокровие в самых сложных ситуациях. Но все отнеслись с пониманием: в городе действительно делать было нечего, эпидемия алкоголизма парализовала жизнь, больницы были переполнены, а надежды на улучшение не предвиделось. Коллеги обнимали Эрику, желали удачи, обещали писать и звонить. Одна из старших медсестёр, тётя Люба, сунула ей в сумку банку домашнего варенья и прошептала:

— Держись там, девочка. Ты сильная. И подругу вытащишь, и сама не пропадёшь.

Наконец все документы были готовы. Назначили дату отъезда.

В день отъезда бабушки проводили девочек на вокзал. Утро выдалось хмурым, моросил мелкий дождь, но никто из

четверых не замечал погоды. Наталья Ивановна крепко прижимала к себе Венеру, шёпотом повторяя:

— Будь сильной, моя девочка. Молись, слушай врачей, слушай Эрику. Мы справимся. Я буду ждать твоих писем, каждый день буду ждать. Ирина Савельевна обняла Эрику, поправила ей шарф, смахнула слезу:

— Береги себя и Венеру. Помни, мы всегда рядом, даже на расстоянии. И если что, сразу звони, мы приедем, поможем, сделаем всё, что нужно.

Венера, обычно такая эмоциональная, сейчас молчала, только крепко сжимала руку бабушки. Её глаза были полны слёз, но в них уже не было отчаяния, только решимость. Эрика старалась держаться бодро, подбадривала подругу и бабушку:

— Всё будет хорошо, бабуль. Мы там быстро освоимся. Веня пойдёт на поправку, я устроюсь на работу, будем вам письма писать, может, даже видеозвонки делать получится. Поезд дал гудок. Двери начали закрываться. Венера в последний момент высунулась в окно:

— Бабушка, мы обязательно вернёмся! Вернёмся другими, здоровыми, сильными, счастливыми!

Наталья Ивановна кивнула, вытирая слёзы. Ирина Савельевна помахала рукой:

— Возвращайтесь здоровыми и счастливыми! И пишите каждый день!

Состав тронулся. Эрика и Венера смотрели, как фигуры

бабушек уменьшаются на перроне, пока совсем не скрылись из виду. Дождь усилился, капли стекали по стеклу, словно слёзы. Эрика повернулась к Венере, взяла её за руку:

— Ну что, — тихо сказала она, — начинаем новую жизнь?

Венера глубоко вздохнула, вытерла глаза и улыбнулась, по-настоящему:

— Да. Начинаем.

Они отошли от окна, нашли свои места. Эрика достала термос с чаем, который бабушка упаковала им в дорогу, разлила по кружкам. Венера достала бутерброд, завёрнутый в салфетку с вышитой бабушкой надписью «С Богом!». За окном мелькали унылые городские пейзажи, но внутри вагона было тепло и уютно.

Впервые за долгое время девочки почувствовали не страх, а надежду. Впереди их ждали испытания, но теперь они знали: главное, они есть друг у друга.

Глава 3 (часть 2). Дорога перемен

Эрика аккуратно разливала чай из термоса по кружкам, когда дверь купе слегка скрипнула.

На пороге стояла пожилая женщина с небольшим дорожным саквояжем в руках.

— Можно к вам? Моё место тоже в этом купе, — мягко пояснила она.

— Конечно, проходите, — Эрика тут же поднялась, чтобы помочь поставить саквояж на полку. — Присаживайтесь!

Женщина вошла, и девочки сразу отметили, что она выглядит необычно для своих лет.

Антонина Фёдоровна была стройной, с прямой спиной и лёгкой походкой. Её седые волосы были аккуратно уложены в сложную причёску, не как у большинства старушек, а скорее как у дамы из старинного романа. Лицо покрывали тонкие морщинки, но они лишь подчёркивали черты, не придавая возраста. Кожа выглядела удивительно гладкой, а руки, ухоженными, с аккуратным, почти незаметным маникюром.

Одета Антонина Фёдоровна была в тёмно-синее платье с кружевным воротничком и лёгкую шерстяную шаль с вышивкой по краям. На шее висела тонкая серебряная цепочка с подвеской в виде полумесяца.

Но больше всего поражал её взгляд. В глазах Антонины Фёдоровны читалась глубина, будто она знала гораздо боль-

ше, чем говорила. При этом взгляд не был тяжёлым, напротив, он излучал тепло и доброту. От неё словно исходило мягкое, почти осязаемое сияние, которое сразу расположило к ней девочек.

— Благодарю, — женщина улыбнулась, устраиваясь напротив. — Меня зовут Антонина Фёдоровна.

— Я Эрика, а это моя подруга Венера, — представила она, кивнув на Венеру, которая как раз раскладывала бутерброды на бумажной салфетке.

— Очень приятно, девочки, — Антонина Фёдоровна поправила шаль на плечах. — Далеко путь держите?

Венера переглянулась с Эрикой. Та едва заметно кивнула, и Венера, чуть волнуясь, ответила:

— Мы едем в Здравград, это закрытый реабилитационный комплекс за городом. Я... у меня проблемы с алкоголем, и я решила начать лечение. А Эрика поедет работать там медсестрой, чтобы быть рядом.

Антонина Фёдоровна внимательно выслушала, не перебивая. Когда Венера закончила, она тепло улыбнулась и взяла девушку за руку:

— Какая же ты молодец, что решилась. Признавать свои трудности и бороться с ними — это требует огромного мужества.

Она повернулась к Эрике:

— А ты, милая, просто золото. Не каждый готов так поддерживать друга. Ты правильно понимаешь: зависимость,

это болезнь, а не просто слабость характера.

— Угощайтесь чаем, — предложила Эрика, протягивая Антонине Фёдоровне кружку. — И бутербродами, если хотите. Бабушка нам целую сумку в дорогу собрала.

— С удовольствием, — кивнула женщина, принимая кружку. — Спасибо, девочки.

Разговор потечёт плавно: они делились впечатлениями о поездке, обсуждали виды за окном. Постепенно Венера начала клевать носом, усталость последних дней давала о себе знать. Через полчаса она уже мирно спала, склонив голову на подлокотник кресла.

Антонина Фёдоровна посмотрела на спящую девушку, улыбнулась и тихо сказала:

— Пусть отдохнёт. Ей предстоит непростой путь.

Она повернулась к Эрике и задумчиво посмотрела на неё своими пронизательными глазами:

— Девочка, скажи, а не было ли у тебя ситуаций, когда ты раньше других понимаешь, что пациент скоро умрёт? Или предпринимаешь какое-то действие интуитивно, ещё до того, как другие это заметят? В общем, чувствуешь то, чего другие не ощущают?

Эрика замерла. Вопрос застал её врасплох. Она оглянулась на Венеру, та крепко спала и тихо ответила:

— Да... такие ситуации действительно бывают. Уже несколько лет. Я чувствую и вижу гораздо больше, чем остальной персонал. Но стараюсь не говорить об этом вслух,

боюсь, что сочтут странной.

Антонина Фёдоровна понимающе кивнула:

— Не бойся. Это не странность. Это дар. И он дан тебе не просто так.

Она порылась в своём саквояже и достала свёрток в кружевной салфетке. Развернула, внутри лежал пряник, явно сухой и не очень свежего вида.

— Съешь, пожалуйста, — настойчиво сказала Антонина Фёдоровна. — Очень прошу. Из вежливости, если уж не хочется.

Эрика удивилась такой настойчивости, но из уважения к пожилой женщине взяла пряник и откусила маленький кусочек.

— Спасибо, — улыбнулась Антонина Фёдоровна. — Этот пряник испекла моя бабушка в день моей свадьбы. Я храню его как талисман.

Она вздохнула и продолжила:

— Я еду в Севастополь, на мыс Фиолент. Там развею прах своего мужа. Это было самое значимое место для нас, именно там мы познакомились и полюбили друг друга. Он всегда говорил: «Если я уйду первым, разве мой прах там, где родилась наша любовь».

Ближе к полуночи Антонина Фёдоровна взглянула на старинные серебряные часики, висевшие у неё на цепочке:

— Мне выходить через две остановки, — тихо сказала она. — Где-то в три часа ночи. А вы, значит, едете до самого

Здравграда?

— Да, — кивнула Эрика. — Прибудем туда к шести утра.

— Вот и славно, — улыбнулась Антонина Фёдоровна. — Успели поговорить по душам.

Она аккуратно сложила салфетку, поправила шаль и начала собирать вещи.

— Спасибо вам за компанию, девочки, — сказала она, вставая. — И за тёплый приём. Пусть дорога принесёт вам то, что вы ищете.

Эрика поднялась, чтобы помочь ей достать саквояж с полки.

— Было очень приятно с вами познакомиться, — искренне сказала она.

— И мне, мои хорошие, — Антонина Фёдоровна на мгновение задержала взгляд на Эрике, словно хотела что-то добавить, но лишь мягко улыбнулась. — Берегите друг друга. И помните: иногда помощь приходит оттуда, откуда её совсем не ждёшь.

Она поправила шаль, кивнула на прощание и вышла из купе.

Поезд мерно стучал колёсами, увозя их всё дальше от Машиновска, навстречу Здравграду.

Эрика доедала пряник, чувствуя, как по телу разливается странное покалывание. В голове вдруг прояснилось, а усталость отступила. Она посмотрела на спящую Венеру и задумалась над словами Антонины Фёдоровны. Что-то меняется.

Что-то важное начинается прямо сейчас.

Глава 4. Знакомство с новым миром

За окном уже светало. Розовые лучи рассвета пробивались сквозь занавеску купе, рисуя на полу яркие фигуры. Эрика осторожно потрясла Венеру за плечо:

— Вставай, соня. Мы подъезжаем.

Венера приоткрыла глаза, сонно моргнула и села, потягиваясь:

— Уже? Так быстро...

Эрика улыбнулась:

— Время в дороге летит незаметно. Собирай вещи — поезд скоро остановится.

Поезд замедлил ход и плавно остановился на платформе Здравграда. Девочки собрали многочисленные вещи: рюкзаки, сумки, пакеты с вещами первой необходимости, которые собрали им бабушки. Они вышли из вагона на перрон, вдыхая свежий утренний воздух.

Светило солнце, небо было ясным, без единого облачка. Лёгкий ветерок шевелил волосы, а где-то вдалеке слышалось пение птиц. Погода словно поддерживала их, день обещал быть тёплым и ясным.

— Ну что, — сказала Эрика, оглядываясь по сторонам, — до закрытого центра ещё идти и идти. Нужно добраться до

трассы, поймать машину или вызвать такси.

Платформа была почти пустой, лишь несколько человек торопливо шли к выходу. Здравград выглядел тихим, почти сонным в этот ранний час. Узкие улочки, невысокие дома с черепичными крышами, редкие вывески... Всё казалось каким-то застывшим, будто город жил по своим, особым правилам.

Девочки пошли по тропинке, ведущей от вокзала. Венера несла рюкзак и небольшую сумку, Эрика две тяжёлые сумки и пакет.

— Далеко ещё? — спросила Венера через несколько минут, слегка запыхавшись.

— По навигатору, минут двадцать до трассы, а там уже сориентируемся, — ответила Эрика, вытирая со лба капли пота. — Главное, поймать кого-нибудь. В таком городке такси может и не быть.

Они шли мимо невысоких домов, заборов с цветущими кустами, мимо старых скамеек у подъездов. Город просыпался: где-то залаяла собака, зашумела вода в водостоке, открылась дверь магазина на углу.

Наконец тропинка вывела их к широкой дороге.

— Вот и трасса, — вздохнула Эрика. — Теперь главное, поймать машину.

Они встали у обочины. Мимо проехали две легковушки, но ни одна не остановилась. Потом промчался грузовик, обдав их клубами пыли.

— Может, попробовать дойти пешком? — неуверенно предложила Венера. — Если тут недалеко...

— Слишком далеко, — покачала головой Эрика. — И с такими сумками мы устанем ещё на полпути.

В этот момент сзади раздался мягкий гудок. Девочки обернулись: рядом с ними остановился старенький, но ухоженный микроавтобус. В окне виднелось добродушное лицо пожилого мужчины в кепке.

— Девчата, вам куда? — крикнул он.

— В реабилитационный центр, — обрадовалась Эрика.

— О, так это же почти по пути! Садитесь, подвезу. Я как раз в ту сторону еду, к сестре.

— Правда? — глаза Венеры засветились надеждой. — Большое спасибо!

Они быстро загрузили вещи в салон, сами уселись на мягкие сиденья.

Водитель, представившийся дядей Валерой, улыбнулся в зеркало заднего вида:

— Вижу, вы издалека. Впервые в Здравграде?

— Да, — ответила Эрика. — Мы как раз в центр приехали.

— Хорошее дело, — кивнул дядя Валера. — Там люди толковые работают. Вы не переживайте, всё наладится.

Машина плавно тронулась с места. Девочки переглянулись, обе почувствовали, как напряжение последних дней понемногу отпускает. Солнце светило всё ярче, дорога шла

через рошу, а впереди их ждал новый этап жизни.

— Спасибо вам, — тихо сказала Венера.

— Да что там, — махнул рукой водитель. — В Здравграде своих в беде не бросают.

Микроавтобус свернул на лесную дорогу, ведущую к воротам закрытого центра. Дядя Валера аккуратно припарковался у массивных железных ворот с камерой наблюдения над ними.

— Ну вот и приехали, — сказал он, оборачиваясь к девочкам. — Удачи вам, девчата. Помните: главное, не сдаваться.

Эрика и Венера поблагодарили водителя, выгрузили вещи. Микроавтобус развернулся и уехал, оставив их одних перед внушительными воротами.

Девочки остановились, глядя на тёмные железные створки. Солнце уже стояло высоко, согревая землю, но им обоим стало зябко. Они долго не решались подойти к домофону, каждая мысленно готовилась к тому, что начнётся сейчас, к новому этапу жизни.

Венера первой преодолела нерешительность. Она сделала шаг вперёд, протянула руку к кнопке домофона и нажала. Раздался короткий сигнал.

— У меня направление на лечение, — тихо сказала Венера в микрофон, её голос слегка дрожал.

— И я приехала устраиваться медсестрой, — быстро добавила Эрика, доставая из сумки пакет с документами. — Пакет документов готов.

Несколько секунд стояла тишина. Девочки замерли, сжимая ручки сумок. Где-то рядом стрекотала лягушка, ветер шевелил верхушки сосен. Затем раздался щелчок автоматической кнопки, и ворота медленно, со скрипом, приоткрылись.

— Проходите, — раздался из динамика спокойный женский голос. — Ждём вас во дворе.

Эрика с Венерой переглянулись. Венера чуть улыбнулась и кивнула: «Пойдём». Они вкатили сумки в приоткрывшийся проём и оказались во внутреннем дворе реабилитационного центра.

Двор оказался неожиданно уютным. Широкая мощеная дорожка вела к главному зданию, двухэтажному дому с большими окнами и террасой. По бокам росли молодые клёны и кусты сирени, вдоль дорожек стояли скамейки.

Слева виднелся небольшой сад с грядками, справа спортивная площадка с турниками. Воздух здесь был особенным, чистым, хвойным, с лёгкой примесью травяного аромата. Тишина не давила, а успокаивала.

Первым их встретил пожилой дворник. Он подметал дорожку неподалёку от ворот, высокий, сухощавый мужчина лет семидесяти с копной совершенно седых, слегка растрёпанных волос. На нём был тёмно-синий комбинезон поверх клетчатой рубашки и старые резиновые сапоги. Рядом, у стены, стояла небольшая сторожка с окошком и дымящей трубой, видно, там он и жил.

Заметив девочек, дворник выпрямился, оперся на метлу и широко улыбнулся, обнажая несколько отсутствующих зубов. Его глаза за толстыми стёклами очков блестели каким-то восторженным светом.

— О-ля-ля! — воскликнул он с неожиданным французским акцентом. — Какие прелестные мадемуазели пожаловали к нам! Бонжур, бонжур!

Он сделал неуклюжий поклон, чуть не потеряв равновесие, и продолжил бормотать что-то на французском, время от времени вставляя русские слова:

— *Quelle beauté...* (Какая красота...) Ах, какие красавицы... прямо как парижские розы... *Ma chérie...* (Моя дорогая...) молодость, молодость...

Венера невольно улыбнулась, а Эрика слегка напряглась, не зная, как реагировать. Дворник тем временем подошёл ближе, размахивая метлой, как дирижёрской палочкой.

— Позвольте помочь с багажом, прекрасные дамы! — он попытался взять одну из сумок, но перепутал и чуть не уронил другую. — О, пардон, пардон! Старость — не радость, но галантность — навсегда!

— Спасибо, мы сами, — вежливо ответила Эрика, перехватывая сумку.

— Как скажете, как скажете... — дворник не обиделся, а только ещё шире улыбнулся. — Но, если что — я тут всегда, Владимир меня зовут. Когда-то давно я учился на переводчика... Эх, жизнь сложилась иначе, но французский — он

во мне остался, понимаете?

Пока он говорил, из главного здания вышла женщина лет пятидесяти с собранными в аккуратный пучок тёмными волосами с проседью и в тёмно-зелёном медицинском халате. Её лицо было строгим, но не жёстким, а взгляд — внимательным и добрым.

— Владимир, оставьте девочек в покое, — твёрдо сказала она. — Дайте им пройти.

— О, Алёна Николаевна! — радостно воскликнул дворник. — Я всего лишь хотел помочь прекрасным дамам!

— Вижу, вижу, — улыбнулась женщина. — Но теперь позволь мне заняться гостями.

Она повернулась к девочкам:

— Здравствуйте. Я — Алёна Николаевна, главный врач центра. Вы, должно быть, Венера и Эрика?

— Да, — ответила Эрика, стараясь говорить уверенно. — Это Венера, она поступила на лечение. А я приехала устраиваться медсестрой.

— Очень хорошо, — кивнула Алёна Николаевна. — Давайте сначала разместим вас, а потом уже разберёмся с документами. Вам нужно отдохнуть с дороги.

Пока они шли по дорожке, Венера оглянулась на дворника. Тот снова напевал французскую песенку и подметал листья, время от времени покачивая головой в такт музыке.

— А он здесь живёт? — тихо спросила Венера у Алёны Николаевны.

— Да, в сторожке у ворот, — ответила врач. — У Владимира психиатрическое заболевание, он не опасен, но имеет свои особенности. Когда-то он учился на переводчика, мечтал о Париже... Но жизнь сложилась иначе. Мы его приютили: он помогает по хозяйству, а мы кормим три раза в день и даём крышу над головой. Он добрый человек, хоть и со странностями.

Эрика заметила её взгляд и тихонько сказала:

— Видишь? Нас здесь ждут. И даже те, у кого жизнь не сложилась, находят здесь место.

Венера улыбнулась. Алёна Николаевна разделила их: Венеру направили на первичный осмотр к фельдшеру, а Эрику, в администрацию, для оформления на работу.

Осмотр Венеры

Венера последовала за указаниями и вскоре оказалась в небольшом кабинете с табличкой «Фельдшер». За столом сидел молодой мужчина лет тридцати — Алексей. Он поднял глаза от бумаг, и его лицо мгновенно озарилось улыбкой.

— Добро пожаловать в центр, — сказал он, вставая. — Меня зовут Алексей, я фельдшер. Проходите, присаживайтесь.

Он помог Венере устроиться на стуле, чуть дольше задержав руку на её локте, чем требовалось. Пока заполнял карту пациента, несколько раз поднимал глаза и тут же отводил взгляд, слегка краснея.

— Расскажите немного о себе, — попросил он, но слушал невнимательно, то и дело поглядывая на Венеру.

Когда осмотр подошёл к концу, Алексей неловко предложил:

— Если будут вопросы или понадобится помощь — сразу обращайтесь ко мне, хорошо? Я почти всегда здесь или рядом.

Венера кивнула, слегка смущённая таким вниманием, и вышла из кабинета.

Ей предстояло заселиться в корпус для пациентов — светлое двухэтажное здание с большими окнами, увитое плющом.

Устройство Эрики

Эрика тем временем дошла до административного корпуса и вошла в отдел кадров. Она передала пакет документов, заполнила необходимые формы и вскоре получила ключи от комнаты в общежитии для сотрудников.

Комната оказалась небольшой, но уютной: две кровати, шкаф, стол у окна и небольшой холодильник в углу. На одной из кроватей сидела девушка.

Эвелина была настоящей красавицей: длинные каштановые вьющиеся волосы мягкими волнами ниспадали на плечи, карие глаза смотрели внимательно и чуть настороженно. Она отложила телефон, в котором листала ленту, и поднялась навстречу Эрике.

— Привет, — сказала она, слегка улыбнувшись. — Я Эвелина, твоя соседка.

— Эрика, — представилась новенькая, ставя сумку у своей кровати.

Эрика невольно замерла на мгновение, разглядывая новую соседку. Сама она выглядела совсем иначе: очень длинные ярко-рыжие волосы, словно языки пламени, спускались почти до талии; худая фигура с заострёнными чертами лица; ярко-зелёные глаза, выделяющиеся на фоне россыпи веснушек, покрывавших нос и щёки; длинные рыжие ресницы, которые многие считали чем-то невероятным.

По тому, как Эвелина на мгновение замерла, разглядывая Эрику, как её улыбка чуть дрогнула, а взгляд скользнул по огненным волосам, задержавшись на веснушках, Эрике сразу стало ясно: соседка завидует её внешности. Это читалось в лёгком напряжении плеч, в том, как Эвелина машинально поправила прядь своих каштановых локонов, в чуть сжатых губах.

«У нас мало общего», — мысленно отметила Эрика. Эвелина производила впечатление девушки, привыкшей быть первой красавицей в любом месте, а появление Эрики с её необычной, броской внешностью явно нарушило этот порядок.

— Ну что, — бодро сказала Эвелина, стараясь вернуть голосу непринуждённость, — давай знакомиться и устраиваться. Здесь неплохо, главное — найти свой ритм.

Она говорила приветливо, даже дружелюбно, но Эрика уловила нотку напряжения в её тоне.

Эрика улыбнулась в ответ, но внутри всё ещё чувствовала лёгкую настороженность. Она подошла к своей кровати и начала раскладывать вещи.

— Да, конечно, — ответила она. — Давай обустраиваться. Раскладывая вещи, Эрика невольно наблюдала за соседкой.

Эвелина двигалась плавно и уверенно, каждое движение было отточено, словно она постоянно помнила, что на неё смотрят. Когда она проходила мимо зеркала, то на мгнове-

ние задержалась, поправила волосы, проверила, всё ли в порядке с макияжем.

Эрика же, напротив, никогда не придавала внешности большого значения. Её рыжие волосы часто были собраны в небрежный хвост, веснушки она не маскировала, а худоба была скорее следствием беспокойного образа жизни, чем целью.

— У тебя очень красивые волосы, — вдруг сказала Эвелина, когда Эрика расправляла свою подушку. В голосе прозвучала странная смесь восхищения и чего-то ещё, чего Эрика не смогла точно определить.

— Спасибо, — просто ответила Эрика. — Твои тоже очень красивые.

Эвелина слегка кивнула, но Эрика заметила, что комплимент не слишком её порадовал — словно он был недостаточным ответом на восхищение её внешностью.

Пока она раскладывали вещи, выглянула в окно. Во дворе Владимир всё так же подметал листья, напевая что-то по-французски. Венера шла к корпусу для пациентов, оглядываясь по сторонам с робкой улыбкой.

«Всё только начинается», — подумала Эрика и глубоко вздохнула, чувствуя, как в груди зарождается что-то новое. Несмотря на настороженность в отношениях с новой соседкой, на неизвестность впереди, она была готова попробовать.

Глава 5. Два пути: Венера и Эрика

Венера шла за медсестрой по светлой дорожке, ведущей к женскому корпусу для пациентов. Здание выглядело приветливо: белые стены, большие окна, плющ, увивающий фасад. У входа медсестра остановилась:

— Вот мы и пришли. Второй этаж, комната 213. Ты будешь жить с тремя девушками — у всех свои истории, но здесь все поддерживают друг друга. И сразу предупреждаю: у нас строгий режим. Никаких «хочу — не хочу». Дисциплина, часть лечения.

Они поднялись по пандусу (специально оборудованному для колясок), прошли по коридору с фотографиями цветов на стенах и остановились у двери с номером 213. Медсестра постучала и, не дожидаясь ответа, открыла дверь:

— Девочки, у нас новенькая — Венера. Познакомьтесь.

Комната оказалась просторной и светлой. Четыре кровати стояли вдоль стен, у каждой — тумбочка и стул. У окна — широкий подоконник с книгами и парой комнатных растений. На одной из кроватей сидела девушка в инвалидной коляске, у другой — две девушки: одна опиралась на костыли, другая лежала, уткнувшись в телефон.

— Твоё место у окна, — медсестра указала на свободную кровать. — Познакомься с соседками: Катя, Оксана и Марина. А теперь — краткий инструктаж по распорядку.

Распорядок дня в центре

Медсестра достала из кармана блокнот и начала зачитывать:

— 6:30 — подъём.

— 6:40 — обливание холодной водой.

— 7:00 — зарядка на свежем воздухе (если погода позволяет) или в спортзале.

— 7:30—8:00 — завтрак.

— 8:30—10:00 — индивидуальные консультации с психологом. Каждой назначат своего специалиста.

— 10:30—12:00 — занятия с тренером ЛФК, он же наш фельдшер Алексей, с ним ты уже знакома: упражнения, дыхательная гимнастика, растяжка.

— 12:00—13:00 — свободное время.

— 13:00 — обед.

— 14:00—16:00 — трудотерапия: работа в саду, помощь на кухне, творческие мастерские.

— 16:30—17:30 — групповые занятия с психологом: разбор ситуаций, тренинги общения, работа с эмоциями.

— 18:00 — ужин.

— 19:00—20:00 — обязательное собрание группы «Анонимных алкоголиков».

— 20:30—21:30 — свободное время: можно почитать, поговорить, поиграть в настольные игры.

— 21:30 — вечерний обход медперсонала.

— 22:00 — отбой.

— Вопросы? — медсестра обвела взглядом девушек.

Оксана фыркнула:

— И каждый день так! Ни выходных, ни поблажек!

— Выходные есть, — спокойно ответила медсестра. —

Раз в две недели, «свободный день»: можно выбрать дополнительные занятия, встретиться с родными. Но основные пункты: собрания АА и работа с психологами, обязательны всегда. Это не обсуждается.

Знакомство с соседками

Катя (в инвалидной коляске) улыбнулась:

— Поначалу кажется жёстко, но потом привыкаешь. Я вот уже вижу плюсы: когда всё расписано, не остаётся времени на дурные мысли. А ещё после обливаний и зарядки чувствуешь себя бодрее. Хочешь, завтра вместе пойдём?

Оксана (с ДЦП) скрестила руки на груди:

— Да ну, обливания эти... Я и так вся простуженная. И зачем мне эти АА? Я же не алкоголичка!

Марина (опирающаяся на костыли) мягко вмешалась:

— Оксан, ну давай хотя бы попробуем. Я сначала тоже сопротивлялась, а потом поняла: здесь не заставляют верить во что-то, просто дают возможность выговориться. И знаешь, иногда помогает.

Венера слушала, чувствуя, как внутри нарастает тревога. Слишком много правил, слишком много людей, слишком много «надо». Но тут она вспомнила слова Эрики: «Дисциплина — это опора, когда внутри всё рушится».

— Я... я попробую, — тихо сказала она. — Только объясните, что там на собраниях делают?

Катя подмигнула:

— Ничего страшного. Сидим в кругу, кто хочет — говорит о своих чувствах, о трудностях. Кто не хочет — просто слушает. Главное правило — никто не осуждает, все поддерживают. Я в первый раз ревела полчаса, а потом так легко стало...

Оксана вздохнула:

— Ладно, убедили. Но если меня заставят каяться перед всеми, я уйду!

Медсестра улыбнулась:

— Никто никого не заставляет. Но я очень советую попробовать. А теперь, давайте поможем Венере разложить вещи. Через час ужин, а после него первое собрание АА для новеньких.

Вечер первого дня

После ужина всех собрали в актовом зале. Венера села рядом с Катей и Мариной, Оксана устроилась поодаль, делая вид, что ей всё равно. Психолог, невысокий мужчина с добрыми глазами, начал встречу:

— Добро пожаловать, друзья. Сегодня у нас новенькая — Венера. Давайте поддержим её аплодисментами.

Все похлопали. Венера почувствовала, как краснеет.

— На наших встречах нет правильных или неправильных слов, — продолжил психолог. — Главное честность. Сегодня

можем просто познакомиться: назовите своё имя и один шаг, который вы готовы сделать ради выздоровления.

По кругу пошли ответы:

— Катя. Я готова попробовать рисовать левой рукой.

— Марина. Я буду делать все упражнения ЛФК, даже если тяжело.

— Оксана... — она помолчала, потом нехотя добавила:

— Ладно, я попробую признать, что у меня проблема.

— Венера, — девушка глубоко вздохнула. — Я готова следовать режиму. И... слушать вас.

Психолог улыбнулся:

— Отлично. Каждый шаг важен. А теперь давайте поделимся, что было самым трудным сегодня?

Когда разговор пошёл, Венера вдруг поняла: она не одна. И эти люди, её соседки, врачи, психологи — действительно хотят помочь. Может, этот строгий режим не клетка, а мост к новой жизни?

Новое назначение Эрики

Эрика постучала в дверь кабинета главного врача и, услышав «Войдите», осторожно приоткрыла её.

— А, Эрика, проходи, — Алёна Николаевна подняла глаза от бумаг и улыбнулась. — Присаживайся. У меня для тебя важное назначение.

Эрика села напротив, стараясь не выдать волнения. Главный врач откинулась на спинку кресла и внимательно посмотрела на неё:

— Я изучила твоё резюме и характеристику с предыдущего места работы. Впечатляет.

Реанимационный опыт, работа с тяжёлыми больными, умение быстро принимать решения в критических ситуациях...

Она взяла со стола папку с документами:

— Особенно отмечу твой навык, ты попадаешь в вену с первого раза практически всегда. Для наших пациентов это критически важно: многие из них в состоянии делирия, беспокойны, не могут спокойно лежать. А ты умеешь найти подход даже к самым сложным.

Эрика слегка покраснела:

— Просто я стараюсь быть внимательной к пациентам. В реанимации это особенно важно.

— Вот именно, — кивнула Алёна Николаевна. — Эта внимательность — твоё главное преимущество. Поэтому я решила направить тебя в стационар для вновь поступивших.

Она сделала паузу, давая Эрике осознать сказанное:

— Это отделение для тех, кто только поступил: в состоянии алкогольного опьянения, с делирием, в острой интоксикации. Им требуется срочный детокс: капельницы, стабилизация состояния, контроль жизненно важных показателей.

Особенности работы в стационаре

Алёна Николаевна встала, подошла к окну и продолжила:

— В этом отделении самые тяжёлые пациенты. Они могут быть агрессивны, дезориентированы, у них галлюцинации,

судороги, скачки давления... Твоя задача — быстро оценить состояние, начать необходимую терапию и следить за динамикой.

Она повернулась к Эрике:

— Ты будешь работать в паре с опытным наркологом, Петренко Романом Михайловичем. Он введёт тебя в курс дела. Но я уверена: твой реанимационный опыт здесь очень пригодится.

— Понимаю, — Эрика кивнула. — Это похоже на работу в реанимации, только профиль другой.

— Верно, — улыбнулась главный врач. — Та же срочность, тот же контроль показателей, та же необходимость быстро реагировать. Но здесь ещё важнее человеческое участие. Многие из этих людей стыдятся своего состояния, злятся на себя, чувствуют себя беспомощными. Твоя способность находить подход будет не менее важна, чем профессиональные навыки.

Первый день в стационаре

Эрика зашла в стационар вместе с врачом-наркологом доктором Петренко, который встретил её у поста. Он коротко кивнул:

— Пойдём, покажу отделение.

Коридор был длинным, с дверями по обеим сторонам. Роман Михайлович шёл впереди, поясняя:

— Палаты бывают разные: вот эти — трёхместные, дальше — четырёхместные. А в конце коридора — особые па-

латы интенсивной терапии, без дверей. Там лежат зафиксированные пациенты в остром делирии. Их нельзя оставлять без присмотра: могут навредить себе или окружающим. Каждая палата оснащена камерой наблюдения, монитор находится на посту.

Эрика огляделась. В воздухе витал тяжёлый запах — не только перегара, но и чего-то ещё: пота, человеческих испражнений, лекарств. Отовсюду доносились крики, бормотание, стоны. Где-то громко ругался мужчина, кто-то плакал, повторяя одно и то же слово.

Осмотр отделения

Они остановились у одной из палат интенсивной терапии. Доктор Петренко жестом пригласил Эрику войти:

— Видишь? Все в тяжёлом состоянии. Даже те, кто ещё ходит, давление скачет, руки дрожат, галлюцинации. Наша задача, стабилизировать их, вывести из острой интоксикации.

В палате на кроватях лежали трое мужчин. Один бормотал что-то невнятное, глядя в потолок; второй дёргал руками, будто отгонял невидимых существ; третий сидел, обхватив голову, и раскачивался вперёд-назад.

— Это только начало смены, — тихо сказал доктор. — За ночь поступает ещё несколько человек. Теперь давай про твои обязанности.

Обязанности Эрики

Они вернулись к посту. Доктор Петренко достал папку с

инструкциями:

— Ты будешь работать процедурной медсестрой. В твои задачи входит:

делать внутривенные вливания (капельницы с детоксикационными растворами);

ставить внутримышечные и внутривенные уколы (витамины, седативные, противосудорожные);

строго следовать назначениям врача — никаких самостоятельных решений;

следить за состоянием пациентов: измерять давление, пульс, температуру каждые два часа;

сообщать об изменениях — если давление резко упало или подскочило, если начались судороги, галлюцинации усилились, если пациент стал агрессивным;

помогать при фиксации особо беспокойных больных (но только под контролем врача или старшей медсестры);

вести журнал наблюдений — записывать все манипуляции и реакции пациентов.

Эрика слушала, стараясь запомнить каждое слово. Её руки заметно дрожали, но она сжала их в кулаки, чтобы успокоиться.

— Понятно? — спросил доктор. — Да, — кивнула Эрика. — Я готова.

Первая процедура

Роман Михайлович повёл её к палате №2:

— Здесь женщина 38 лет, острая интоксикация, давление

160/100, галлюцинации. Нужно поставить капельницу с маг-
незией и седативное. Пойдёшь со мной, посмотришь, как ра-
ботаем.

В палате пахло потом и рвотой. Женщина металась на
кровати, бормотала:

— Они идут... Они уже здесь... Уберите их!

— Тихо, тихо, — доктор Петренко подошёл к ней, говоря
спокойно и уверенно. — Мы вам поможем. Сейчас станет
легче.

Он кивнул Эрике:

— Готовь систему.

Эрика достала набор для венепункции, быстро проверила
всё необходимое. Руки дрожали, в горле пересохло, но она
глубоко вдохнула и подошла к кровати:

— Здравствуйте. Я медсестра Эрика. Сейчас поставлю ка-
пельницу, чтобы вам стало легче. Постарайтесь расслабитель-
ся.

Женщина на мгновение замерла, посмотрела на неё мут-
ным взглядом и вдруг схватила за рукав:

— Ты их видишь? Они за дверью!

— Сейчас я помогу вам, — Эрика мягко, но настойчиво
освободила руку. — Смотрите на меня. Дышите ровно.

Она нашла вену с первого раза, ввела иглу, закрепила си-
стему. Доктор Петренко одобрительно кивнул:

— Отлично. Теперь следи за давлением, меряй каждые
15 минут, пока состояние не стабилизируется. И докладывай

мне сразу, если что-то изменится.

Когда доктор Петренко вышел, Эрика осталась рядом с пациенткой. Та постепенно успокаивалась: дыхание стало ровнее, взгляд менее испуганным.

Эрика смотрела на неё и чувствовала, как внутри всё сжимается. Запах, крики из соседних палат, вид этих измученных людей, всё это пугало. Ей захотелось развернуться и уйти, вернуться в привычную реанимацию, где всё было знакомо и понятно.

Но она вспомнила Венеру, бледную, дрожащую, с лихорадочно блестящими глазами. Вспомнила бабушку Наталью Ивановну с тёмными кругами под глазами. Вспомнила слова Ирины Савельевны: «Ты не одна. Но ты должна беречь себя — без тебя она точно пропадёт».

«У меня нет пути назад, — твёрдо сказала она себе. — Я здесь не просто так. Я могу помочь. Я должна помочь».

Она поправила одеяло на пациентке, проверила капельницу и достала тонометр:

— Сейчас измерим давление, хорошо?

Женщина слабо кивнула. Эрика аккуратно наложила манжету, начала накачивать воздух. Цифры на тонометре уже были ниже — 145/95. Улучшение.

«Шаг за шагом, — подумала Эрика. — Один пациент, одна капельница, одно измерение. Я справлюсь. Ради Венеры. Ради всех них».

Доктор Петренко заглянул в палату:

— Как дела?

— Давление снижается, — доложила Эрика. — 145/95, пациентка успокаивается. Капельница идёт нормально.

— Хорошо, — он улыбнулся. — Ты молодец. Пойдём, в соседней палате мужчина с судорожным синдромом, там тоже нужна твоя помощь.

Эрика вздохнула, поправила халат и последовала за врачом. Страх ещё оставался, где-то внутри, но теперь его вытесняла решимость. Она знала: это только начало, и впереди много тяжёлых дней. Но она была готова.

Глава 6. Ритм жизни

Постепенно обе девушки понемногу входили в свой ритм. Для Венеры неделя в центре стала выстраиваться в чёткую, почти уютную последовательность дней, а для Эрики стационар перестал казаться пугающим местом, он превратился в пространство, где каждый день приносил новые уроки и маленькие победы.

Ритм Эрики

Эрика поняла, что стационар не такой страшный, как ей представлялось в первый день. Да, тяжёлые пациенты поступали почти ежедневно, но особая тяжесть состояния проявлялась, как правило, только в первые несколько дней. Затем, с помощью капельниц и грамотной терапии, состояние стабилизировалось.

Те, кто не находился в делирии, могли свободно передвигаться по отделению, участвовать в беседах и даже помогать персоналу в простых делах. А вот пациенты в особых палатах требовали большего наблюдения: Эрика чуть дольше задерживалась у их кроватей, внимательнее следила за капельницами, проверяла давление чаще положенного. Но она справлялась.

В стационаре царила дружелюбная атмосфера. Другие медсестры оказались улыбчивыми и отзывчивыми, быстро приняли Эрику в коллектив, помогали советом, подбадрили.

вали. Правда, она замечала, что коллеги не только поддерживают её, но и откровенно восхищаются её яркой внешностью. Поначалу это смущало, но со временем Эрика научилась принимать комплименты с лёгкой улыбкой, не придавая им большого значения. Главное, она чувствовала себя на своём месте.

Ритм Венеры

У Венеры неделя складывалась из маленьких достижений. После ужина, когда наступало свободное время, она часто звонила Эрике. В один из таких вечеров голос её звучал особенно радостно:

— Эрика, представляешь, мне сегодня дали первую медальку за неделю трезвости! — восторженно сообщила она. — Повесили на доску достижений, все похлопали. Я даже не думала, что это так... важно.

Она рассказала, как ей всё больше нравятся встречи группы «Анонимных алкоголиков»:

— Там такие люди... Они не осуждают, не читают нотаций. Просто делятся своим опытом. И знаешь, я начала понимать, что не одна такая. Что можно жить по-другому.

Затем Венера немного замялась, но всё же продолжила:

— А ещё... Мне кажется, Алексей, наш тренер ЛФК, уделяет мне особое внимание. Он всегда подходит, спрашивает, как я себя чувствую, предлагает дополнительные упражнения, которые, по его словам, помогут быстрее восстановиться. И смотрит так... по-особенному. Я понимаю, что нрав-

люсь ему не просто как пациентка.

Эрика улыбнулась, слушая подругу:

— Это здорово, Венера. Значит, ты начинаешь нравиться себе, и другие это чувствуют.

— Да, — тихо ответила Венера. — Наверное, ты права.

Совместный вечер

На выходных Эрике дали отгул, и она решила воспользоваться возможностью увидеться с Венерой лично. Здания стационара и реабилитационного отделения находились в одном большом дворе, просто разные корпуса одного центра.

Эрика прошла через внутренний двор, минуя клумбы с тюльпанами и аккуратно подстриженные кусты. Венера уже ждала её у входа в женское отделение, радостно махнула рукой: — Наконец-то! Я так соскучилась! Пойдём, я знаю отличное место.

Они устроились на лавочке в небольшом сквере в центре двора. Рядом журчал фонтан, в тени деревьев пели птицы, а воздух был наполнен ароматом цветущей сирени.

— Как хорошо здесь, — вздохнула Эрика, оглядываясь вокруг. — словно в санатории, а не в лечебном центре.

— Именно! — подхватила Венера. — Я сначала боялась, что это будет тюрьма. А тут... Смотри, люди гуляют, смеются, кто-то читает. И всё такое спокойное, светлое.

Они пили травяной чай из термоса, который Венера предусмотрительно захватила с собой, и говорили обо всём

на свете.

— Знаешь, — сказала Эрика, — в стационаре я тоже начала чувствовать себя увереннее. Сначала было страшно: крики, запах, эти тяжёлые состояния... А теперь я вижу, как люди меняются. Вчера мужчина, который поступил в делирии, сегодня уже спокойно разговаривает, ест сам, даже шутит. И я понимаю, что в этом есть и моя заслуга.

Венера слушала, кивала и вдруг призналась:

— Я так боялась сюда ехать. Думала, это будет тюрьма. А оказалось, здесь можно дышать. И даже... влюбиться, — она слегка покраснела. — Алексей пригласил меня завтра на прогулку по саду после занятий.

— Вот видишь, — улыбнулась Эрика. — Всё меняется к лучшему. Шаг за шагом.

Они замолчали, глядя на закат. Солнце окрашивало стены корпусов в тёплые оттенки розового и золотого, а в фонтане играли блики.

— Спасибо, что ты есть, — тихо сказала Венера.

— И ты, — ответила Эрика.

Глава 7. Пробуждение дара Эрики

Ночная смена началась тихо. Эрика проверила журналы, отметила показатели последних измерений и на мгновение замерла у окна: за стеклом мерцали огни города, а здесь, в отделении, царила особая ночная атмосфера, приглушённые звуки, мягкий свет дежурных ламп, ощущение сосредоточенности и ответственности.

Она решила начать обход с палат для тяжёлых пациентов. В коридоре пахло антисептиком, медикаментами и чем-то неуловимо тревожным — будто сам воздух здесь был пропитан чужой болью и страхом.

В первой палате лежал Пётр Иванович — мужчина лет пятидесяти с измождённым лицом. Он бормотал что-то невнятное, дёргал руками, будто отгонял невидимых насекомых. Его глаза были широко раскрыты, зрачки расширены, на лбу выступила испарина.

Эрика подошла ближе, склонилась над кроватью, заглянула ему в глаза...

И в тот же миг мир вокруг изменился.

Она увидела всё его глазами. Комната стала тёмной и злобщей: по углам шевелились тени с когтистыми лапами, с потолка свисали щупальца, а под кроватью кто-то скребся и шептал её имя. Воздух сделался вязким, тяжёлым, пропитанным страхом.

«Это не бред, — вдруг поняла Эрика. — Он действительно это видит. И я тоже это вижу...»

Она почувствовала, как внутри неё что-то пробуждается — словно давно спящая сила наконец очнулась. В сознании мужчины она увидела тёмный сгусток энергии: клубящуюся массу с липкими щупальцами, пульсирующую в такт его сердцебиению. Именно это порождало эти видения, подпитывая галлюцинации, держало пациента в плену кошмара.

Не осознавая до конца, что делает, Эрика сосредоточилась. В её руках возникла тёплая волна силы, словно солнечный свет собрался в ладони. Она сформировала сгусток чистой энергии и направила его прямо в тёмное создание.

Произошло мгновение абсолютной тишины, будто весь мир замер. Затем тёмная сущность задрожала, рассыпалась на мелкие частицы и растворилась без следа.

Эрика резко вернулась в своё тело. Перед ней лежал тот же мужчина, но теперь его лицо расслабилось, дыхание стало ровным, а глаза, когда он их открыл, смотрели ясно и осознанно.

— Где я? — спросил он чётко, внятно, без тени бреда.

Эрика замерла, пытаясь осознать произошедшее. Пациент пришёл в себя мгновенно, не за два-три дня, как обычно при делирии, а прямо сейчас, после её вмешательства.

— Вы в больнице, Пётр Иванович, — тихо ответила она, стараясь унять дрожь в голосе. — Всё хорошо. Вы в безопасности.

Мужчина огляделся, провёл рукой по лицу:

— Я... я видел такие ужасы... Но теперь всё прошло. Как будто тяжёлый сон. Спасибо вам.

Размышления Эрики

Закончив обход, Эрика села за пост, открыла журнал наблюдений, но руки не слушались, дрожали. Она записала: «02:15. Состояние Петра Ивановича стабилизировалось. Галлюцинации прекратились. Сознание ясное».

«Что со мной происходит? — думала она. — Это не случайность. Я действительно вижу то, что чувствуют другие... И могу это изменить».

Внезапно в памяти всплыла сцена поездки в поезде, Антонина Фёдоровна, её настойчивая просьба съесть пряник «из вежливости», странное ощущение, разливающееся по телу после этого. Теперь всё встало на свои места.

«Пряник пробудил во мне дар, — осознала Эрика. — Но я даже не представляла, насколько он силен. Я не просто чувствую эмоции других — я могу видеть их мир и влиять на него».

Она вспомнила, как в последние дни начала особенно остро ощущать состояние пациентов: улавливала их страх до того, как он проявлялся внешне, замечала малейшие изменения в самочувствии. Всегда считала это интуицией, развитой эмпатией... А теперь поняла: это было пробуждение дара, который ждал своего часа.

Утром Роман Михайлович Петренко, заступая на смену,

изучил записи:

— Что тут у нас? Пётр Иванович? Вчера поступил в делирии, а сегодня, ясное сознание? — он поднял брови. — Ты что, чудо совершила?

Эрика замялась:

— Я просто... проверила его, поговорила. Возможно, помог седативный препарат, который мы поставили вечером.

Доктор внимательно посмотрел на неё:

— Ты что-то не договариваешь.

— Нет, просто... — она вздохнула. — Мне кажется, я нашла подход. Почувствовала, что ему нужно.

Петренко кивнул:

— Это и есть профессионализм. Ты учишься видеть пациента целиком, а не только симптомы. Это дорогого стоит.

Эрика улыбнулась, но про себя решила: нужно разобраться в своём даре. Она достала из кармана халата остатки пряника, завернутые в салфетку, и осторожно провела по нему пальцем.

«Бабушка Антонина знала, что так будет, — подумала она. — Но почему не объяснила, как этим управлять? Придётся учиться самой. Шаг за шагом. Ради пациентов. Ради Венеры. Ради всех, кому я могу помочь».

Она спрятала пряник обратно и поднялась, готовая к новому дню. Где-то глубоко внутри она чувствовала, что это только начало, её дар будет развиваться, а впереди ждёт ещё много открытий.

Эрика заступила на следующую ночную смену. После произошедшего с Петром Ивановичем она не могла перестать думать о своём даре. Сомнения боролись с уверенностью: с одной стороны, она действительно могла помочь пациентам, с другой, до конца не понимала, как работает эта сила и какую цену придётся за неё заплатить.

Решив проверить свои способности осознанно, Эрика направилась в палату для тяжёлых пациентов.

В первой палате лежал мужчина лет сорока, Сергей Николаевич. Он метался на кровати, кричал, что за ним кто-то охотится, пытался сорвать капельницу.

Эрика глубоко вдохнула, сосредоточилась и осторожно заглянула ему в глаза. На этот раз она была готова и почти сразу вошла в сознание пациента.

Перед ней развернулась картина: тёмный лес, за спиной, тяжёлые шаги преследователя, в воздухе витает запах гари. Страх Сергея Николаевича был осязаем, почти материален. В глубине его сознания, как и в прошлый раз, клубился тёмный сгусток с щупальцами и шипами — источник галлюцинаций.

Собрав силы, Эрика сформировала сгусток светлой энергии и направила его в тёмного монстра. Тот задрожал, рассыпался, исчез.

Она вернулась в реальность. Сергей Николаевич затих, дыхание выровнялось, глаза открылись, ясные и спокойные. — Где я? — спросил он тихо, но внятно.

— В больнице. Всё хорошо, вы в безопасности, — ответила Эрика, чувствуя, как силы покидают её.

Несмотря на усталость, Эрика решила помочь ещё кому-то. Во второй палате женщина лет тридцати пяти бормотала что-то о «голосах», которые приказывают ей что-то сделать. Эрика повторила свои действия и через несколько минут пациентка пришла в себя, удивлённо оглядываясь по сторонам.

В третьей палате пожилой мужчина видел «крыс, бегающих по стенам». И здесь Эрика применила дар, монстр был уничтожен, пациент успокоился, начал узнавать окружающих.

Три человека за ночь пришли в себя мгновенно, без долгих дней лечения. Но Эрика едва держалась на ногах.

С трудом добравшись до комнаты персонала, она рухнула на кушетку и мгновенно уснула. Сон был тяжёлым, прерывистым — будто тело и разум не могли восстановиться.

Утром Эрика проснулась с ощущением, будто и не спала вовсе. Голова гудела, мышцы ныли, перед глазами мелькали тёмные пятна. Она с трудом поднялась, умылась холодной водой, пытаясь прийти в себя.

«Это слишком высокая цена, — подумала она, глядя в зеркало. — Если так будет продолжаться, я просто не выдержу».

Разговор с Венерой

После смены Эрика, едва передвигая ноги, добралась до

реабилитационного отделения, где находилась Венера. Подруга сразу заметила её состояние:

— Эрика, что с тобой? Ты бледная, как привидение! — Всё в порядке, просто ночная смена выдалась тяжёлой, — попыталась отмахнуться Эрика.

— Не ври мне, — Венера взяла её за руку. — Ты еле стоишь на ногах. Что происходит?

Эрике вдруг захотелось поделиться. Она рассказала Венере о своём даре, о том, как помогает пациентам, и о том, какой ценой даётся эта помощь.

— Ты что, серьёзно? — глаза Венеры расширились. — То есть ты буквально вытаскиваешь людей из кошмара?

— Да, но после этого я чувствую себя так, будто пробежала марафон с рюкзаком камней. И с каждым разом восстанавливаться всё сложнее.

Венера задумалась:

— А что, если попробовать не «вычищать» всё сразу, а действовать мягче? Может, не уничтожать этих созданий, а как-то ослаблять их? Или работать с ними постепенно?

— Я даже не думала об этом, — Эрика нахмурилась. — Но ты права. Нужно искать способ помогать, не выматывая себя до предела.

По дороге в общежитие Эрика обдумывала слова подруги. Возможно, дар можно использовать иначе, не как удар, а как мягкое воздействие. Она вспомнила пряник, слова Антонины Фёдоровны, ощущение пробуждения силы.

«Бабушка не объяснила, как этим управлять, — размышляла Эрика. — Значит, придётся учиться самой. И начинать нужно с понимания своих границ».

Она решила:

впредь не пытаться помочь сразу нескольким пациентам за смену;

пробовать разные способы воздействия — не только «уничтожение» существ, но и их трансформацию, ослабление;

следить за своим состоянием и вовремя останавливаться; поискать информацию о подобных дарах, может, где-то есть подсказки.

Тем вечером, Эрика впервые за долгое время почувствовала проблеск надежды. Она нашла свой дар, пусть и ценой усталости. Теперь нужно научиться им управлять так, чтобы помогать другим и не разрушать себя.

Глава 8. Тайны дневника

Эрика вошла в свою комнату в общежитии, устало опустилась на кровать и оглядела ещё три нераспакованные сумки. «Начну с самой маленькой», — решила она.

Разбирая вещи, она наткнулась на свёрток, завёрнутый в кружевную салфетку. Внутри лежал старинный дневник в кожаном переплёте с потускневшими серебряными застёжками. На обложке витиеватой вязью было выведено: «Антонина Фёдоровна Воронцова. Записи о даре и путях его сохранения».

Сердце Эрики забилось чаще. Она осторожно открыла дневник. Страницы пожелтели от времени, но чернила сохранились хорошо. Почерк был аккуратным, с характерными завитушками.

Листая дневник, Эрика нашла раздел, озаглавленный: «О восстановлении сил после применения дара».

Текст гласил:

«Сила, данная свыше, требует подпитки. После каждого исцеления часть жизненной энергии уходит вместе с тёмным существом — так называемой алкогольной лярвой. Эти существа порождаются зависимостью и питаются жизненной силой носителя, ослабляя его волю и разрушая разум. Обычные способы восстановления бессильны. Для восполнения сил необходим контакт с существом, чья кровь хранит па-

мать веков — с древним вампиром, прожившим более ста лет. Его кровь содержит особую субстанцию, способную восстанавливать магический резерв.

Однако в наше время подобных созданий почти не осталось. Последний, кого я знала, сгинул в 1917 году. Потому для обретения помощи придётся прибегнуть к ритуалу перехода во времени — отправиться в XIX век, где древние вампиры ещё встречались среди людей. Ритуал сложен и опасен, требует подготовки и помощника.

Важное примечание: время пребывания в прошлом строго ограничено. Свеча, поддерживающая связь с настоящим, горит ровно три часа. За этот срок путешественник должен найти древнего вампира и получить необходимую помощь. По истечении времени связь прервётся, и возвращение станет невозможным».

Далее следовали подробные инструкции: список ингредиентов, схема начертания круга перехода, заклинания на забытом языке. В конце была приписка:

«Помни: время не любит, когда его тревожат. За каждый шаг в прошлое придётся заплатить. Будь готова к последствиям».

На следующий день Эрика позвала Венеру к себе. Дрожащими руками она показала ей дневник.

— Смотри, — прошептала она, — бабушка Антонина всё предусмотрела. Здесь написано, как восстановить силы после использования дара. Оказывается, те тёмные существа, с

которыми я боролась, называются алкогольными лярвами. И чтобы восполнить потраченную энергию, нужно найти древнего вампира... в XIX веке.

Венера пробежала глазами страницы, её глаза расширялись от изумления.

— Ты серьёзно? Путешествие во времени? — она подняла взгляд на подругу. — Это звучит как безумие. Но... учитывая всё, что я видела и слышала о твоём даре, возможно, это не такая уж фантастика.

— Проблема в том, что ритуал требует помощника, — продолжила Эрика. — Кто-то должен остаться в настоящем и поддерживать связь, удерживать «нить», которая позволит мне вернуться.

— И ты хочешь, чтобы этим помощником стала я? — догадалась Венера.

— Да, — кивнула Эрика. — Ты единственная, кому я могу это доверить. И единственная, кто поверит.

Девушки сели за стол, разложили перед собой страницы дневника и начали изучать детали ритуала. Необходимые ингредиенты:

пепел от сожжённого письма, написанного собственной кровью;

капля росы с цветка, сорванного в полнолуние;

серебряный амулет в форме полумесяца (тот самый, что оставила Антонина Фёдоровна в дневнике);

горсть земли с места, значимого для путешественника;

свеча, сделанная вручную из воска и трав.

Условия проведения:

Полнолуние;

точное произношение заклинаний на древнем языке.

Транскрипция заклинания перехода:

hae lineae candelarum clare exurunt, portae ad praeteritum
apertae sunt, umbrae in waltz natant, arcana vetera per nebulas
oblivioni traduntur, sonus raedae nos a longinquo saeculo vocat,
mirabiles sunt duets, tempus vicem facit

(Хаэ лінеа канделарум кларе эксурунт, портаэ ад прэте-
ритум апертаэ сунт, ўмбраэ ин вальц натант, аркана вэтера
пер нэбулас обливиони традунтур, сонус раэдэ нос а лонгін-
ко сэкуло вокат, мірабілес сунт дуэтс, тэмпус вікем фáцит.)

— Звучит как песня, — тихо сказала Венера, вчитываясь
в строки.

— В каком-то смысле так и есть, — ответила Эрика. —
Каждое слово ключ, каждая интонация нота, которая открыв-
ает дверь. Это латинский язык, мы учили его в медицин-
ском, — добавила она. — Переводится красиво:

*«Свечи ярко догорают, Двери в прошлое открыты, Тени в
вальсе проплывают, Тайны старые забыты. Сквозь туман
и звон кареты, Век далёкий нас зовёт. Там прекрасные дуэ-
ты, Время, делай поворот!»*

— А землю... — задумчиво произнесла Эрика. — В днев-
нике сказано, что нужна горсть земли с места, где произошло
важное событие в жизни путешественника.

— У нас есть такая! — воскликнула Венера. — Помнишь, как мы впервые встретились? У старой школы в Малиновске, под большим клёном? Мы тогда обе опоздали на первый урок и стояли там, прячась от дождя.

— Да, — улыбнулась Эрика. — И решили, что будем дружить. Это точно важное событие.

— Мы же привезли немного земли оттуда, — вспомнила Венера. — Просто на память о родном городе, о детстве... Думали, поставим в баночке на полку. А она, выходит, для этого и была нужна.

— Судьба, — прошептала Эрика, доставая маленькую стеклянную баночку с тёмно-коричневой землёй. — Всё складывалось к этому с самого начала.

Следующие несколько дней девушки провели в подготовке. Венера собрала росу с лилий у озера, Эрика сделала свечу по рецепту из дневника. Земля с места их первой встречи была аккуратно пересыпана в маленький льняной мешочек. Пепел от письма, написанного кровью Эрики, хранился в маленьком хрустальном флаконе.

Однажды вечером, разбирая вещи для ритуала, Эрика вдруг замерла и с тревогой посмотрела на Венеру:

— Ну как же я это сделаю? — спросила она, нервно теребя край салфетки. — Всего три часа... За это время нужно не просто попасть в XIX век, а найти древнего вампира, убедить его помочь... Это же невозможно!

Венера задумалась на мгновение, потом взяла дневник и

быстро пролистала страницы.

— Посмотри сюда, — она указала пальцем на абзац в конце раздела о ритуале. — Бабушка пишет, что обладатели дара могут интуитивно чувствовать присутствие подобных существ. Чем ближе вампир, тем сильнее будет отклик в твоей силе — словно эхо или тёплый импульс.

— Но как понять, куда идти? С кем говорить? — нахмурилась Эрика.

— Она советует довериться интуиции, — пояснила Венера. — В дневнике упоминается, что в XIX веке вампиры часто скрывались среди аристократии, посещали балы и салоны. Возможно, тебе стоит направиться туда, где собирается высшее общество. А твой дар поможет почувствовать, кто из присутствующих тот, кого ты ищешь.

— То есть я должна полагаться на ощущения? — уточнила Эрика.

— Именно, — кивнула Венера. — Твой дар — твой проводник. Он не подведёт.

— Ну как же я в своём обликии, в своей одежде попаду-то в девятнадцатый век? Всё и так посчитают меня ведьмой за рыжие волосы, веснушки и зелёные глаза, а тут я ещё туда в джинсах и футболке отправлюсь! Меня точно на костре сожгут.

Венера на мгновение задумалась, а потом её лицо озарилось улыбкой:

— У нас же есть театральный кружок! Мы же ставим сцен-

ки — исторические, про девятнадцатый век. Там с лёгкостью сможем подобрать тебе платье дамы того времени. Ты его наденешь и отправишься в прошлое, в нём это не вызовет подозрений ни у кого в том веке.

Эрика и Венера осторожно приоткрыли дверь в костюмерную театрального кружка. Пожилая руководительница, перебирала коробки с аксессуарами.

— Анна Васильевна, здравствуйте, — первой заговорила Венера, стараясь говорить как можно убедительнее. — У нас к вам необычная просьба.

— Слушаю вас, девочки, — женщина повернулась к ним, поправив очки.

Эрика сделала шаг вперёд:

— Понимаете, мы с Венерой давно хотели устроить тематическую фотосессию в стиле XIX века. Венера обожает исторические романы, а я... ну, мне просто очень нравится эстетика того времени.

Венера подхватила, жестикулируя:

— Да-да! Хотим сделать несколько кадров у старого клёна в парке, может, у городской ратуши, там как раз архитектура подходящая. Получится что-то вроде портретов из старинного альбома!

Анна Васильевна с любопытством посмотрела на них:

— Фотосессия, значит... И вы решили, что лучше всего для этого подойдёт настоящий исторический костюм из наших запасов?

— Именно! — улыбнулась Венера. — Мы видели ваши платья — они же настоящие произведения искусства! Ни один прокат не даст такого аутентичного вида. К тому же мы обе участвуем в кружке, помогаем с декорациями, мы бы очень аккуратно обращались с нарядом.

Эрика добавила, стараясь выглядеть максимально искренне:

— Мы, конечно, понимаем, что костюмы нужны для репетиций и постановок. Но если есть какое-то платье, которое сейчас не задействовано... Мы вернём его в идеальном состоянии, обещаю. Сделаем фото быстро, за один вечер, и сразу принесём обратно.

Анна Васильевна задумчиво погладила подбородок:

— Фотосессия... Это, конечно, не репетиция и не спектакль, но идея интересная. И вы правы, у нас есть несколько платьев, которые пока не используются. Вы ведь знаете правила: ничего не пачкать, не мять, не пытаться переделывать фасон.

— Конечно, конечно! — закивала Венера. — Мы будем обращаться с ним как с музейным экспонатом. И, если нужно, поможем потом привести его в порядок, почистить, отпарить.

— И мы можем сделать несколько фото для архива кружка, — предложила Эрика. — Чтобы у вас остались кадры в этом красивом наряде. Вдруг пригодится для рекламы или выставки истории костюма?

Анна Васильевна улыбнулась:

— Ну что ж, девочки, вы меня убедили. Тем более что идея с фотоархивом действительно полезная. Пойдёмте, посмотрим, что у нас есть из эпохи 1880-х, как раз пик элегантности, шёлк, кружево, вышивка... Думаю, найдём что-то подходящее.

Она направилась к большому шкафу с костюмами, а Эрика с Венерой переглянулись и незаметно обменялись торжествующими улыбками.

— Вот, например, этот наряд — как раз из эпохи 1880 х. Шёлк, кружево, вышивка... Настоящая роскошь! Эрика примерила платье. Тёмно-синее, с высоким воротником и длинными рукавами, оно идеально село по фигуре. Пышная юбка и корсет создавали нужный силуэт, а глубокий цвет подчёркивал яркость её глаз.

— Идеально, — выдохнула Венера, оглядывая подругу. — Теперь ты точно не привлечёшь лишнего внимания.

Вечером накануне полнолуния они сидели в комнате Эрики. На полу был начертан круг перехода, сложные символы и руны, скопированные из дневника. В центре лежал серебряный полумесяц, вокруг расставлены свечи. Мешочек с землёй из Малиновска был помещён у края круга, как якорь, связывающий с родным миром. Рядом на стуле аккуратно висело старинное платье.

Эрика медленно подошла к стулу, аккуратно взяла платье и надела его. Ткань приятно скользнула по коже, корсет

мягко поддержал спину, а пышная юбка чуть шелестела при каждом движении. Она подошла к зеркалу и на мгновение замерла: перед ней стояла дама XIX века, элегантная, утончённая, совершенно не похожая на медсестру из современной больницы.

— Ну что, — тихо произнесла она, поворачиваясь к Венере, — я готова.

— Ты потрясающе выглядишь, — искренне восхитилась Венера. — Теперь точно никто не заподозрит, что ты из другого времени.

Эрика глубоко вдохнула, подошла к кругу и встала в его центр. Она взяла амулет в руку и начала произносить первые слова заклинания. Воздух вокруг задрожал, символы на полу засветились мягким голубым светом.

— Держи свечу, — прошептала Эрика. — И жди меня. Венера кивнула, сжимая в руке зажжённую свечу. Её глаза были полны тревоги, но она твёрдо решила выполнить свою часть договора. Эрика закрыла глаза и произнесла финальную фразу. Свет вспыхнул ярче, затем поглотил её целиком...

На мгновение в комнате воцарилась абсолютная тишина. Венера стояла, не шевелясь, с зажжённой свечой в руках. Пламя дрожало, словно отражая её внутреннее состояние. Девушка вглядывалась в центр круга там, где только что стояла Эрика, теперь мерцали угасающие голубые искры, медленно растворяясь в воздухе.

— Эри? — тихо позвала Венера, сама не зная, чего ждёт в ответ.

Тишина. Только потрескивание свечи нарушало безмолвие комнаты.

Венера подошла ближе к кругу, осторожно коснулась пальцами светящихся рун. Они ещё хранили слабое тепло и едва уловимую вибрацию, словно отголосок магического перехода. Мешочек с землёй из Малиновска по-прежнему лежал у края круга, будто якорь, удерживающий связь между мирами.

«Она там, — подумала Венера. — В XIX веке. Одна. Среди незнакомых людей, в чужом времени...»

Девушка опустилась на колени рядом с кругом, поставила свечу перед собой и крепко сжала серебряный амулет, точную копию того, что взяла с собой Эрика. По инструкции из дневника, он должен был служить связующим звеном между подругами.

— Я здесь, — прошептала Венера. — Я держу нить. Возвращайся ко мне, Эри. Обязательно возвращайся.

Глава 9. В чужом времени

Эрика открыла глаза и резко вдохнула, словно вынырнув из глубины. Она очутилась на площади, брусчатка под ногами, старинные дома с узкими окнами по периметру, а прямо напротив, старый трактир с покосившейся вывеской, на которой едва угадывалось: «Сытый путник».

Сердце бешено колотилось. Эрика огляделась, пытаясь осознать происходящее. Всё вокруг было настоящим: запах конского пота и навоза, скрип колёс проезжающей телеги, гул голосов, доносившийся из трактира. Она машинально посмотрела на свои наручные часы, секундная стрелка неумолимо двигалась вперёд.

«Три часа пошли», — мысленно произнесла Эрика, сглотив ком в горле.

Она почувствовала слабый, но отчётливый импульс внутри себя — тёплый, пульсирующий отклик, который словно указывал направление. Интуитивно Эрика поняла: нужно войти в таверну.

Дверь скрипнула, впуская её внутрь. В нос ударил густой аромат: смесь пережаренного мяса, хмеля, дыма от лучин и едва уловимой нотки плесени. В помещении царил полумрак, разгоняемый лишь неровным светом нескольких салых свечей и пламени очага в глубине зала.

Таверна выглядела так, как Эрика представляла себе за-

ведения XIX века из книг и фильмов:

Стены были обшиты потемневшими от времени дубовыми досками, кое-где покрытыми паутиной. На одной из стен висел потрёпанный гобелен с изображением охоты.

Потолок поддерживали массивные балки, покрытые копотью. С них свисали пучки сушёных трав и лука.

В центре зала стояло несколько грубых деревянных столов, покрытых пятнами от кружек и пролитого пива. Вокруг них, скамьи и табуреты, часть из которых явно пережила не одну драку.

У стены располагалась длинная стойка из того же тёмного дуба. За ней суеился коренастый хозяин с красным лицом и засаленным фартуком.

Очаг в глубине помещения давал не только тепло, но и дополнительный свет. На вертеле медленно крутился поросёнок, источая аппетитный аромат жареного мяса.

Посетители сидели небольшими группами: кучка подвыпивших мастеровых в замасленных кафтанах, пара подозрительных типов в плащах с капюшонами, пожилой купец в расшитом камзоле, обсуждавший что-то с извозчиком.

Воздух был густым от табачного дыма, пара от горячих блюд и запахов еды. Где-то в углу дремал кот, свернувшись клубком на бочке.

На стойке стояли большие глиняные кувшины, медные кружки и блюдо с нарезанным чёрным хлебом. Рядом, корзина с солёными огурцами и копчёной рыбой.

Окна были небольшими, с мутными стёклами, кое-где затянутыми бычьим пузырём.

Сквозь них пробивался тусклый дневной свет.

Эрика замерла у входа, стараясь не привлекать внимания. Её платье эпохи 1880-х, тёмно-синее, с кружевами и вышивкой, не вызывало удивления, но сама она, с рыжими волосами и веснушками, наверняка выделялась среди местных. Она глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь, и сделала шаг вперёд, чувствуя, как внутренний импульс становится чуть сильнее.

«Его здесь нет, — поняла Эрика. — Где-то рядом. Но как понять где искать?».

Она направилась к свободной скамье у стены, стараясь держаться уверенно, хотя колени подрагивали. Взгляд скользил по лицам посетителей, никто из них не мог быть тем, кого она ищет?

Эрика медленно оглядела зал, сосредоточившись на своём даре. Она прикрыла глаза на мгновение, пытаясь уловить тот самый тёплый импульс, признак присутствия древнего вампира. Но вокруг были лишь обычные человеческие эмоции: усталость мастеровых, алчность подозрительных типов в плащах, деловая озабоченность купца. Ничего сверхъестественного.

«Его здесь нет», — с тревогой подумала Эрика. Стрелка часов неумолимо двигалась вперёд. Время шло, а она всё ещё не приблизилась к цели.

Она вновь открыла глаза и обвела взглядом помещение. Взгляд невольно остановился на трактирщике — коренастом мужчине с красным лицом и засаленным фартуком. Он ловко разливал пиво из большого кувшина, попутно перебрасываясь шутками с посетителями. В нём чувствовалась хватка человека, который знает всё, что происходит в округе.

«Возможно, он сможет помочь», — решила Эрика.

Собравшись с силами, она направилась к стойке. При каждом шаге шуршала пышная юбка платья, привлекая к себе любопытные взгляды. Подойдя ближе, Эрика постаралась придать лицу самое приветливое выражение.

— Будьте добры, — обратилась она к трактирщику, стараясь говорить спокойно и уверенно, — можно мне кружку эля?

Трактирщик окинул её оценивающим взглядом, не дерзким, а скорее уважительно-любопытным.

— Конечно, сударыня, — пробасил он, ставя перед ней запотевшую медную кружку. — Редкий гость в наших краях дама столь утончённого вида. Чем могу служить?

Эрика сделала небольшой глоток, чтобы выиграть время и собраться с мыслями. Затем, понизив голос, спросила:

— Скажите, уважаемый, не случилось ли в последнее время чего-то необычного в городе? Может, появились какие-то новые лица, или происходили странные события?

Трактирщик на мгновение замер, вытер руки о фартук и наклонился ближе.

— Необычного, говорите? — он понизил голос до шёпота. — Да как вам сказать... Месяца два назад в заброшенном доме старого помещика поселился некий господин. Дом-то уж лет десять как пустует, хозяин его помер, наследники не объявились. Место и прежде-то недоброй славой пользовалось, а теперь и вовсе...

Эрика почувствовала, как внутри неё что-то дрогнуло. Импульс, едва уловимый, но знакомый, стал чуть сильнее.

— Заброшенный дом? — переспросила она, стараясь не выдать волнения. — А как туда добраться?

— Да просто, сударыня, — трактирщик махнул рукой в сторону окна. — Видите вон ту колокольню? От неё по улице вверх, мимо старой кузницы, а дальше тропа пойдёт через заброшенный сад. Дом на холме, его ни с чем не спутаешь: окна заколочены, крыша местами провалилась, но сад... Вот что странно: сад-то ухоженный! Словно кто-то за ним следит.

Он понизил голос ещё больше:

— Господин этот выходит только по ночам. Днём его не видать — словно и нет никого. А ночью... Люди говорят, видели тень у окон, слышали шаги во дворе. Кто-то даже клянется, что видел голубоватый свет сквозь щели в ставнях. После его прогулок по городу пропадают бродячие собаки, а по утрам находят кур с перерезанной шеей во дворах.

Эрика кивнула, чувствуя, как импульс внутри становится всё отчётливее. Она достала из ридикюля монету и положила

на стойку.

— Благодарю вас за информацию и за эль, — сказала она, вставая. — Вы очень помогли.

— Всегда к услугам благородных дам, — поклонился трактирщик. — Только... — он помедлил, — будьте осторожны, сударыня. Люди обходят то место за три версты. Днём-то ещё ничего, а ночью... Никто не решается туда сунуться. Говорят, от самого дома веет холодом и страхом, словно сама смерть там поселилась.

Эрика лишь улыбнулась в ответ, хотя внутри всё сжалось от тревоги. Она бросила последний взгляд на зал, ничего не изменилось, вампир по-прежнему не ощущался здесь напрямую, но направление было получено. Импульс теперь указывал чётко: вверх, к холму.

Бросив взгляд на часы, Эрика отметила: прошло уже около получаса. У неё оставалось два с половиной часа, достаточно, чтобы добраться до заброшенного дома и попытаться найти того, кто ей нужен.

Она поправила складки платья и направилась к выходу. На пороге обернулась, ещё раз поблагодарила трактирщика и шагнула наружу, навстречу улицам незнакомого города XIX века. Импульс внутри пульсировал всё сильнее, она была на верном пути.

Эрика приблизилась к дому старого помещика. Забор, увитый плющом, местами прогнивал и покосился. В одной из секций зияла дыра — достаточно широкая, чтобы через

неё пролезть. Эрика огляделась: вокруг ни души, лишь ветер шелестел прошлогодней листвой. Собравшись с духом, она пробралась внутрь.

Перед ней возвышался заброшенный дом. Ветхие ступени крыльца скрипели под ногами.

Двери поместья были приоткрыты, словно приглашая войти или предупреждая об опасности. Эрика замерла на мгновение, прислушиваясь к себе. Её дар пульсировал всё сильнее: да, именно здесь находился тот, кого она искала.

Сглотнув ком в горле, Эрика переступила порог. Внутри царила полутьма: ставни на окнах были заколочены, лишь редкие лучи света пробивались сквозь щели, рисуя на пыльном полу бледные узоры. Воздух был затхлым, пахло плесенью, старым деревом и чем-то ещё едва уловимым, но тревожным, словно запах застывшего времени.

Вдруг сверху донеслись шаги. Чёткие, размеренные, будто кто-то медленно прохаживался по коридору второго этажа. Эрика затаила дыхание.

Страх сковывал движения, но она знала: отступить нельзя. Время шло, на часах оставалось чуть больше двух часов.

Она осторожно поднялась по скрипучей лестнице. Каждая ступенька отзывалась громким стоном, заставляя замирать и вслушиваться. На площадке второго этажа коридор уходил в глубь дома. В конце его виднелась приоткрытая дверь, из-за которой пробивался слабый голубоватый свет.

Эрика подошла ближе и заглянула внутрь. В комнате сто-

ял мужчина. Его волосы были белы, не просто седые, а серебристого оттенка, будто покрытые инеем. Глаза, ярко-синие, почти как море в солнечный день, пронзительные и глубокие. Он был одет в старинное платье: камзол с кружевными манжетами, жилет с вышивкой, брюки до колен.

Одежда выглядела дорогой, но неряшливой, словно её владелец давно не заботился о внешнем виде, возможно, из-за долгого заточения.

Вампир обернулся. Его взгляд мгновенно впился в Эрику, холодный, оценивающий, но без явной агрессии.

— Кто ты? — его голос звучал низко и ровно, без эмоций.
— И как посмела войти сюда без приглашения?

Эрика сделала шаг вперёд, стараясь унять дрожь в коленях.

— Я... я пришла за помощью, — произнесла она, стараясь говорить твёрдо. — Мне нужен тот, чья кровь хранит память веков. Тот, кто может восстановить силы после борьбы с лярвами.

Мужчина слегка приподнял бровь. В его глазах мелькнуло удивление, сменившееся интересом.

— Лярвами, говоришь? — он сделал шаг навстречу. — Давно не слышал этого слова. И кто же направил тебя ко мне?

— Дневник Антонины Фёдоровны Воронцовой, — ответила Эрика, чувствуя, как импульс её дара отзывается на близость вампира, теперь уже не просто как слабый отклик,

а как тёплая волна, наполняющая силой.

Вампир задумчиво провёл рукой по подлокотнику старинного кресла.

— Воронцова... — протянул он. — Да, я знал её. Умная женщина. И опасный противник. Что ж, — он снова посмотрел на Эрику, — раз уж ты нашла меня, давай поговорим. Но помни: за любую помощь приходится платить.

Эрика кивнула, понимая, что самое сложное только начинается. Она бросила взгляд на часы: оставалось два часа. Времени мало, но теперь, кажется, у неё появился шанс.

— С оплатой разберёмся позже, — твёрдо сказала Эрика, стараясь не выдать дрожь в голосе. — А сейчас послушай меня, и даже не пытайся на меня напасть. Я — ведьма из будущего, своего рода мутант. Без особого ритуала моя кровь просто может отравить тебя.

Вампир на мгновение замер, а затем громко рассмеялся, звук получился густым и глубоким, словно эхо в пустой пещере.

— Ведьма из будущего? — переспросил он. — И ты всерьёз думаешь, что я в это поверю?

Эрика вздохнула. Она знала, что придётся доказать свои слова. Быстрым движением она достала из ридикюля смартфон. Экран загорелся, показывая заставку с цветущей сакурой.

Вампир мгновенно перестал смеяться. Его глаза расширились от изумления. Он сделал шаг вперёд, внимательно рас-

смаатривая странный предмет в руках Эрика.

— Что это за магия? — прошептал он, осторожно протягивая палец к экрану.

Эрика коснулась иконки камеры, на экране появилось отражение вампира. Тот отпрянул, но тут же снова наклонился ближе, зачарованно разглядывая собственное изображение.

— Никогда не видел ничего подобного, — тихо произнёс он. — Это какой-то магический артефакт?

— В каком-то смысле да, — улыбнулась Эрика. — Это устройство из будущего. Оно может запечатлеть момент навсегда, вот так. — Она навела камеру на вампира и сделала снимок. Вспышка на мгновение озарила комнату. — Теперь твоё изображение сохранится на этом артефакте навечно.

Вампир с благоговением смотрел на экран, где теперь красовалось его фото. Он осторожно протянул руку:

— Позволь ещё раз взглянуть...

Эрика передала ему смартфон. Вампир вертел его в руках, нажимал на экран, пытался заглянуть внутрь.

— Поразительно, — выдохнул он, возвращая устройство. — Ты действительно не из нашего времени. Что ж, хорошо. Меня зовут Радомир. Мне 406 лет. Я бывший беглый крепостной, но как я стал вампиром... Как был человеком, соответственно, этого я не помню. Всё стёрлось, словно кто-то вырвал страницы из книги моей жизни. Остались лишь обрывки воспоминаний: холод, боль, жажда... А потом — вечность.

Он подошёл к окну, заколоченному досками, и провёл рукой по старой древесине.

— Последние сто лет я скрываюсь, — продолжил вампир. — Выхожу только по ночам, избегаю людей. Слишком хорошо помню, как меня преследовали, как пытались убить... Но ты, — он обернулся к Эрике, — ты не боишься меня. Почему?

— Потому что я вижу не монстра, а существо, которое может помочь, — честно ответила Эрика. — Мне нужна капля твоей крови, той, что хранит память веков. Это поможет восстановить силы после борьбы с лярвами. Взамен я могу предложить знание будущего. Я знаю многое о том, что произойдёт в следующие десятилетия.

Радомир склонил голову набок, изучая её взглядом. Его ярко-синие глаза, похожие на море, казалось, проникали в самую душу.

— Знание будущего, говоришь? — задумчиво протянул он. — Любопытно. Но почему я должен тебе верить?

— Потому что у меня нет причин тебе лгать, — ответила Эрика. — И потому что я могу доказать свои слова. — Она открыла галерею на смартфоне и показала Радомиру несколько фотографий: городской пейзаж XXI века, самолёт в небе, космический корабль на старте. — Всё это будет. Мир сильно изменится.

Вампир молча рассматривал изображения, его глаза всё больше расширялись от изумления.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Допустим, я соглашусь. Но у меня есть условие: ты расскажешь мне всё, что знаешь о будущем. О войнах, о переменах, о том, как изменится мир. Я слишком долго жил в тени, пора узнать, что ждёт человечество.

Эрика бросила взгляд на наручные часы: оставалось полчаса. Она глубоко вдохнула и ответила:

— Договорились. Но сначала, твоя кровь. Потом — мой рассказ.

Радомир улыбнулся, не угрожающе, а почти добродушно. — Что ж, ведьма из будущего, — произнёс он. — Посмотрим, что принесёт нам это сотрудничество.

Времени на ритуал с кровью, у них уже не осталось, потому что слава о рыжей женщине с трактира быстро разнеслась по городу, естественно, все сочли, что она ведьма и трактирщик проболтался, что она пошла на поиски существа, живущего в доме на холме. За окном толпились люди с вилами и факелами, и тут Эрика ему сказала:

— Всё у нас нет времени», либо ты сейчас же идёшь со мной, либо тебя и меня убьют. Они сожгут нас на костре, может быть, сожгут только меня, а тебя вообще замуруют в стену, и ты будешь обречён на вечные страдания в голоде, у тебя даже не будет возможности умереть. Идём сейчас или погибнем здесь.

Радомир замер, прислушиваясь. За окном действительно доносился гул голосов, треск факелов, лязг металла, толпа

приближалась.

— Они уже здесь, — тихо произнёс вампир, его глаза сверкнули в полутьме. — Как быстро разнеслась весть...

Эрика бросилась к окну и осторожно выглянула в щель между досками. Во дворе толпились люди, не меньше трёх десятков. Среди них она заметила трактирщика: он указывал рукой на дом и что-то возбуждённо объяснял остальным. В руках у горожан были вилы, факелы, топоры. Кто-то уже начал ломать ворота.

— Всё, у нас нет времени, — резко сказала Эрика, оборачиваясь к Радомиру. — Либо ты сейчас же идёшь со мной, либо нас убьют.

Радомир побледнел ещё сильнее, если такое вообще было возможно. Его ярко-синие глаза на мгновение потемнели, словно море перед бурей. Он сделал шаг назад, потом вперёд, сжал и разжал кулаки.

— Ты права, — наконец произнёс он. — Я слишком долго прятался. Но идти в твоё время... Это риск. Что будет со мной там?

— Я помогу тебе адаптироваться, — быстро ответила Эрика. — В будущем есть места, где ты сможешь скрыться. Ты будешь в безопасности. — Поверь же мне хоть раз!!!

За стеной раздался громкий удар, кто-то ударил топором в дверь. Доски затрещали.

— Решайся! — Эрика протянула руку. — У нас считанные минуты.

Радомир посмотрел на её ладонь, потом на окно, откуда доносились крики: «Ведьма! Вампир! Сжечь их!»

Он глубоко вдохнул, словно в последний раз вдыхая воздух этого века, и схватил Эрику за руку.

— Хорошо, — твёрдо сказал он. — Я иду. Но помни: ты обещала мне безопасность и правду о будущем.

— Обещаю, — кивнула Эрика. Она достала из кармана серебряный амулет в форме полумесяца, сжала его в ладони и начала произносить заклинание перехода:

Manus horologii circulum vertit; nulla iam via est retrorsum. Per nebulam et pulverem saeculorum onus vinculorum meorum abjicio. Lumen clarum in oculis meis scintillat. Tempus porro movetur; domum natam rursus videbo. Sanguis in venis meis saltat.

(Манус хороло́гии цирку́лум ве́ртит; ну́лля я́м ви́а э́ст ре́т-
ро́рсу́м. Пе́р небу́лам эт пу́льверем сэку́лору́м о́нус ви́нкуло-
ру́м мэбу́рум абйи́цио. Лу́мэн кла́рум ин оку́лис мэис сцин-
ти́ллят. Те́мпус по́рро мо́вэту́р; до́мум на́там ру́рсус ви́дэбо.
Са́нгвис ин ве́нис мэис са́льтат.)

Воздух вокруг задрожал. Символы на амулете засветились голубым светом.

В этот момент дверь с грохотом рухнула. В проёме показались фигуры с факелами и вилами.

— Вон они! — закричал трактирщик. — Ловите их!

Один из мужчин бросился вперёд, занося вилы. Но прежде, чем он успел сделать ещё шаг, голубое сияние охва-

тило Эрику и Радомира целиком.

Вампир инстинктивно прижал Эрику ближе к себе, защищая от возможной угрозы. Свет вспыхнул ярче, на мгновение ослепив всех в комнате и тех, кто только что ворвался внутрь.

Когда сияние рассеялось, в заброшенном доме старого помещика никого не было. Лишь на полу лежал серебряный полумесяц — потускневший, лишённый магии.

Во дворе толпа замерла в недоумении.

— Исчезли... — прошептал кто-то.

— Колдовство! — перекрестился другой.

— Может, нам это привиделось? — неуверенно произнёс трактирщик, отступая назад.

А в комнате Эрики в общежитии Здравграда Венера всё ещё стояла на коленях у круга перехода. Свеча догорала, оставалось всего несколько минут до истечения трёхчасового срока. Серебряный амулет, копия в её руках внезапно потеплел, задрожал, и девушка почувствовала слабый импульс:

— Она возвращается, — выдохнула Венера!

Она крепче сжала амулет и приготовилась, теперь главное было удержать нить связи до самого конца.

Эрика и Радомир открыли глаза и очутились в комнате Эрики в общежитии, прямо возле Венеры. Мощная волна магической энергии отшвырнула всех троих назад:

Эрика и Радомир врезались в шкаф, а Венера отлетела к стене и сползла на пол.

Венера потрясённо подняла взгляд, сперва на Эрику, потом на Радомира. Незнакомец выглядел совершенно чуждо для этого времени: старинное платье с кружевными манжетами, серебристые волосы, пронзительно — синие глаза.

— Ты что, не могла совершить ритуал на месте? — воскликнула Венера, поднимаясь на ноги и отряхивая юбку. — Нужно было тащить сюда вампира?!

Эрика, слегка пошатываясь, встала и поправила платье.

— Нас обоих, — тихо поправила она подругу. — У нас не было времени на ритуал с кровью. Толпа с вилами и факелами уже ломилась в дверь. Они собирались сжечь меня как ведьму, а Радомира... — она бросила взгляд на вампира, — замуровать в стене. Оставить его там голодным, без возможности умереть.

Радомир медленно поднялся, окидывая взглядом комнату: простые обои, настольная лампа, плакаты на стене, окно с видом на больничный корпус. Его глаза расширились от изумления.

— Где мы? — хрипло спросил он. — Это... не тот дом. Не XIX век.

— Мы в будущем, — пояснила Эрика. — В 2026-м году. Я обещала тебе безопасность и правду о мире, который наступит после твоего века. Теперь ты видишь это своими глазами.

Венера подошла ближе, с любопытством разглядывая древнего вампира.

— Значит, это и есть тот самый древний вампир? — прошептала она Эрике. — Выглядит... необычно. И как мы его теперь спрячем? Тут не средневековые, камеры на каждом углу, соцсети, соседи любопытные...

— Я помогу ему адаптироваться, — твёрдо сказала Эрика. — Радомир, послушай. Здесь всё иначе. Нет дворян и крепостных, нет факельных шествий.

Люди передвигаются на машинах, общаются через устройства, похожие на мой смартфон. И главное — никто не должен узнать, кто ты на самом деле.

Радомир сделал несколько шагов по комнате, осторожно коснулся выключателя, нажал, лампа вспыхнула. Он отдернул руку, но тут же снова потянулся к кнопке, замороженно наблюдая, как свет гаснет и загорается.

— Магия... без заклинаний? — прошептал он.

— Наука, — улыбнулась Эрика. — Это называется электричество. И это только начало.

Венера вздохнула и скрестила руки на груди.

— Ладно, раз уж вы его притащили, будем думать, что делать дальше. Первое правило: днём он не выходит из комнаты. Второе: никаких ночных прогулок без сопровождения. Третье... — она задумалась, — нужно придумать ему легенду. Скажем, он дальний родственник из провинции, приехал на лечение. А чтобы не выделялся, надо срочно обновить гардероб.

Радомир перевёл взгляд с Венеры на Эрику.

— Вы действительно готовы помочь мне? — тихо спросил он. — После всего, что я мог бы сделать в том доме...

— Мы видим не монстра, а того, кто тоже ищет своё место в мире, — ответила Эрика. — И раз уж судьба свела нас, мы будем держаться вместе.

Она подошла к окну и посмотрела наружу. За окном шумел современный город, совсем не похожий на тот, откуда они только что сбежали.

— Начинается новая глава, — прошептала она.

— Да, хорошо, что твоя соседка Эвелина уехала в отпуск к родителям на целых три месяца, — выдохнула Венера, нервно теребя прядь волос. — Её вахта закончилась. Она бы явно никак не оценила появление древнего вампира и нас бы, скорее всего, всех закрыли в психдиспансере.

Она окинула Радомира критическим взглядом: от кружевных манжет до высоких сапог XIX века.

— Ну что нам с ним делать? — продолжила Венера. — Надо его как-то переодеть. Вроде бы ему подошла бы одежда Алексея, он примерно такого же роста и телосложения. Надо бы как-то примазаться к нему и попросить несколько современных вещей. Я пока не знаю, как я объясню ему это, но я попробую. И неплохо было бы его... подстричь.

Радомир слегка улыбнулся:

— Подстричь? Мои волосы? Боюсь, это бесполезно. У вампиров они сразу же отрастают заново, сколько ни стрижи. Можешь проверить, если не веришь.

Венера удивлённо приподняла брови:

— Правда? Вот это регенерация... Ладно, с волосами пока отложим. Но одежду сменить всё равно надо, в таком виде ты слишком бросаешься в глаза.

Эрика подошла к нему:

— Пойдём, я покажу тебе, где находится душевая, — мягко сказала она. — И объясню, как пользоваться современной техникой. Это может показаться странным, но всё просто.

Она провела Радомира через коридор тот был пуст, потому что стояла глубокая ночь и все уже давно спали. В тишине отчётливо раздавались шаги.

Эрика открыла дверь в ванную комнату. Вампир замер на пороге, разглядывая кафель, зеркало, душевую кабину.

— Это... храм очищения? — осторожно спросил он.

Венера не сдержала смешка, но тут же прикрыла рот рукой.

— Нет, просто душевая, — улыбнулась Эрика. — Смотри: вот кран с горячей водой, вот с холодной. Смешиваешь их здесь, регулируешь температуру. Вот гель для душа, это вместо мыла. Вот шампунь, чтобы мыть волосы.

Она показала на флаконы на полке.

— А это? — Радомир указал на фен.

— Фен. Он сушит волосы потоком тёплого воздуха. Покажу, как им пользоваться, когда ты закончишь.

Вампир осторожно вошёл внутрь, провёл рукой по гладкой поверхности стекла душевой кабины.

— Магия без заклинаний, — прошептал он. — Поразительно.

— Всё, иди мойся, — поторопила Венера. — Мы пока займёмся одеждой. Повезло, что в коридорах никого нет — все спят.

Эрика закрыла дверь душевой и повернулась к подруге:

— Ладно, план такой: ты идёшь к Алексею, объясняешь, что у нас тут... э-э... родственник из провинции, который попал в беду. Его обокрали, и ему нужна помощь. Просишь пару футболок, джинсы, кроссовки. Что-нибудь нейтральное.

— А если он захочет с ним познакомиться? — нахмурилась Венера.

— Тогда скажешь, что он очень стесняется и пока не готов никого видеть. Главное — получить вещи.

— Хорошо, — кивнула Венера. — Я пошла. Постараюсь вернуться быстро. И... Эрика, будь осторожна. Мы всё ещё не знаем, насколько предсказуемо поведение древнего вампира в современном мире.

— Я справлюсь, — заверила её Эрика. — Он не враг нам. Он просто напуган и растерян.

Венера кивнула и бесшумно выскользнула из комнаты. Эрика осталась ждать у двери душевой, прислушиваясь к звукам внутри. Из-за двери доносились удивлённые возгласы

Радомира — видимо, он впервые столкнулся с регулиров-

кой температуры воды.

«Всё получится, — подумала Эрика. — Мы поможем ему освоиться. Мы справимся».

Венера тихо прикрыла за собой дверь комнаты и на цыпочках прошла по тёмному коридору. Часы на стене показывали половину второго ночи — все давно спали, лишь из-под некоторых дверей пробивались тонкие полоски света.

Она остановилась перед дверью комнаты Алексея, глубоко вдохнула и постучала. Через несколько секунд послышались шаги, и дверь приоткрылась. На пороге стоял Алексей, в спортивных шортах и футболке, с полотенцем на плече, будто только что вернулся с тренировки.

— Венера? — удивился он, но в глазах тут же вспыхнула радость. — Что-то случилось?

Венера невольно улыбнулась, она хорошо знала этот взгляд. Алексей всегда так смотрел на неё: с восхищением, заботой и той едва заметной робостью, которая выдавала его чувства.

— Прости, что так поздно, — затараторила Венера, стараясь говорить тихо. — Понимаешь, тут такое дело... У меня родственник из провинции приехал. Неожиданно. Его обокрали прямо на вокзале, забрали все вещи, документы... Он сейчас у Эри в комнате, но ему совершенно нечего надеть.

Алексей на мгновение замер, оценивающе посмотрел на Венеру. В его взгляде мелькнуло удивление, но оно быстро сменилось готовностью помочь, особенно когда он увидел её

смущённую улыбку и умоляющий взгляд.

— Родственник? — переспросил он, но без особого любопытства. — Я что-то не помню, чтобы ты про него говорила.

— Да мы... не очень близки, — пояснила Венера. — Он дальний. Но бросить его в беде я не могу. Ты же знаешь, какой у нас город, без документов и денег он просто пропадёт.

Алексей помолчал, но вопросов больше не задавал. Влюблённость делала его податливым и щедрым, он уже мысленно решил, что поможет, даже если история покажется кому-то странной.

— Заходи, — мягко сказал он, отступая в сторону. — Посмотрю, что можно сделать.

Внутри комнаты Алексей сразу принялся рыться в шкафу. Он выкладывал вещи на кровать, попутно комментируя:

— Вот, джинсы должны подойти — я их почти не носил. Футболки... бери любые. О, вот худи, отличное, тёплое. И кроссовки, правда я не знаю его размера.

— Ты такой добрый, — искренне сказала Венера, чувствуя укол совести за свою ложь. — Спасибо тебе огромное.

Алексей слегка покраснел и отвёл взгляд.

— Да что ты, — пробормотал он. — Разве я могу тебе отказать? Тем более если человеку нужна помощь.

Он аккуратно сложил вещи в пакет и протянул Венере.

— Передай ему, пусть носит на здоровье. И если ещё что-то понадобится, обращай в любое время. День, ночь — без разницы.

— Обязательно, — улыбнулась Венера. — Ты настоящий друг.

Алексей улыбнулся в ответ, и на мгновение между ними повисла та особая тишина, полная невысказанных чувств. Но Венера поспешила прервать момент:

— Ладно, я побегу — он там ждёт. Ещё раз спасибо!

Она быстро чмокнула его в щёку спонтанно, импульсивно и выскользнула за дверь, прижимая к груди пакет с одеждой.

Тем временем в комнате Эрика помогала Радомиру разобраться с душем. Вампир с изумлением наблюдал, как из металлической насадки хлынула вода, и осторожно подставил руку под струю.

— Тёплая... — прошептал он. — И столько воды! В моём времени за такое ведро воды платили серебром.

Эрика улыбнулась:

— Да, прогресс — это удобно. Пользуйся на здоровье. Мы подождём снаружи.

Когда Радомир вышел из душевой, закутанный в полотенце, девушки передали ему новую одежду. Он осторожно взял вещи, разглядывая их с любопытством.

— Что это за ткань? — спросил он, проводя рукой по футболке.

— Хлопок, — пояснила Эрика. — Дышащий, удобный материал. Надевай джинсы вот так, футболку — через голову...

Радомир послушно переоделся. Когда он вошёл в комнату в обновлённом образе, обе девушки замерли.

Современный наряд удивительным образом подчёркивал его аристократичные черты и стройную фигуру. Чёрная футболка облегла плечи, джинсы сидели идеально, а худи придавало расслабленный, но стильный вид. Длинные серебристые волосы контрастировали с простой одеждой, делая его образ загадочным и притягательным.

— Ну... как я выгляжу? — неуверенно спросил Радомир, оглядывая себя.

— Потрясающе, — искренне ответила Эрика. — Теперь ты почти не выделяешься.

— Почти? — усмехнулся вампир.

— Ну, волосы всё же длинные, — заметила Венера. — Но это можно обыграть как стиль. Скажем, ты музыкант или художник. Сейчас многие так ходят.

Радомир подошёл к зеркалу. Впервые в жизни он увидел своё отражение в большом, чистом зеркале при электрическом освещении. Его глаза на мгновение расширились, он внимательно рассматривал себя, провёл рукой по футболке, поправил волосы.

— Удивительно, — тихо произнёс он. — В этом наряде я чувствую себя... другим. Не беглым крепостным, не монстром из старых легенд. Просто человеком.

Эрика подошла к нему и положила руку на плечо:

— Потому что ты и есть человек, Радомир. Просто с особыми способностями. И теперь у тебя есть шанс начать всё заново — в новом времени, с новыми возможностями.

Вампир повернулся к ней и улыбнулся. Впервые за долгие века в его глазах не было тени страха или одиночества.

— Спасибо, — просто сказал он. — За всё.

Венера, которая с улыбкой наблюдала за его реакцией, не удержалась от замечания:

— Знаешь, Радомир, а я всегда думала, что вампиры в зеркалах не отражаются. Это же вроде как часть всех этих мифов...

Вампир резко обернулся к ней, на его лице отразилось искреннее изумление.

— Венера, а я думал, это люди верят во все эти глупости! — воскликнул Радомир с лёгким смехом. — Что за бред? Конечно, мы отражаемся в зеркалах. Откуда вообще взялся этот миф? Может, кто-то когда-то просто не захотел смотреться в зеркало?

Эрика приснула со смеху, прикрыв рот рукой.

— Видимо, легенды не всегда точны, — заметила она. — Как и истории про осиновые колья и чеснок на дверях.

Радомир усмехнулся:

— О да, чеснок... Помню, в одном городке меня пытались отпугнуть гирляндой из головок чеснока. Хозяин таверны развесил её над входом, а потом сам же её и съел, когда проголодался.

Девушки расхохотались, и даже сам вампир улыбнулся, явно наслаждаясь возможностью развеять слухи.

Когда всё было улажено, одежда подобрана, первые объ-

яснения даны, а Радомир устроился на раскладушке у окна. Венера зевнула и посмотрела на часы.

— Ладно, я, пожалуй, пойду, — сказала она, собирая свои вещи. — Мне ещё до корпуса топать.

— Точно не останешься? — спросила Эрика. — У нас ещё полно места.

— Нет, — покачала головой Венера. — Я всё-таки пока ещё пациентка, а не сотрудник. Моё место в корпусе для пациентов. Да и потом, — она подмигнула, — кому-то же надо следить, чтобы никто не заметил лишнего. Мало ли, вдруг кто увидит, как я иду от тебя глубокой ночью... Слухи в нашем городке разлетаются быстрее молнии.

Она подошла к Эрике и тихо шепнула:

— Ты только будь осторожна. Мы пока совсем не знаем, на что способен древний вампир. И... — она лукаво улыбнулась, — он, конечно, выглядит впечатляюще, но не теряй голову, ладно?

Эрика слегка покраснела и шёпотом ответила:

— Я буду осторожна, обещаю. Спасибо за всё. Без тебя мы бы не справились.

Венера обняла подругу:

— Всё будет хорошо. Завтра увидимся. И не забудь, завтра у нас план: легенда, документы, знакомство с городом.

С этими словами она тихо вышла из комнаты, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Эрика осталась одна с Радомиром. Она легла в кровать и

закрыла глаза. В комнате царила тишина, нарушаемая лишь редкими звуками ночного города за окном и ровным дыханием вампира на раскладушке. Постепенно мысли Эрики начали путаться, перетекая из практических планов на завтрашний день в что-то более личное. Перед внутренним взором снова возник образ Радомира — теперь уже в современной одежде, с чистыми волосами, собранными в небрежный хвост.

«Боже... — промелькнуло в голове у Эрики, и она невольно приоткрыла глаза, глядя в темноту. Как же он божественно красив...»

Она мысленно воспроизвела его черты: бездонные сияющие глаза, глубокие и пронзительные, словно море в ясный день, смотрели с непривычной мягкостью. Выточенные скулы, прямой нос, чётко очерченная линия подбородка, всё это казалось высеченным рукой гениального скульптора.

Фигура вампира, стройная, но мускулистая, с широкими плечами и благородной осанкой, напоминала античную статую. Он был сложен как Аполлон: каждое движение выдавало природную грацию и силу.

Даже его мраморная кожа, бледная и безупречная, теперь не казалась пугающей. Напротив, она придавала ему какой-то неземной лоск, не болезненный, а величественный, словно он и правда был не человеком, а воплощением древнего бога.

Эрика поймала себя на мысли, что всё, что она раньше

считала «чудовищным» в вампире, его бледность, клыки, пронзительный взгляд, нечеловеческая грация — теперь выделось ей совершенно иначе. Эти черты не пугали, а завораживали. Они делали его непохожим, не монстром, а существом иной, возвышенной природы.

Она вдруг осознала, что он ей нравится физически, безусловно, безоговорочно. И это открытие заставило её слегка поежиться под одеялом. Сердце забилося чуть чаще, а в груди разливалась странная, тёплая волна.

Пытаясь отвлечься, Эрика повернулась на бок и посмотрела в сторону раскладушки.

Радомир спал, его дыхание было ровным и глубоким. В лунном свете, пробивающемся сквозь занавески, его профиль казался ещё более совершенным, словно вырезанным из мрамора.

«Надо сосредоточиться на деле, — мысленно одёрнула себя Эрика. — Завтра предстоит много работы: придумать ему легенду, показать город, объяснить правила современного мира...»

Но даже эти рациональные мысли не могли полностью вытеснить образ прекрасного вампира из её головы. Постепенно усталость взяла своё, и Эрика погрузилась в сон, унося с собой ощущение чего-то нового, волнующего, будто сама жизнь вдруг приобрела новые краски.

Глава 10. Первые лучи новой жизни

От волнения Эрика проснулась раньше положенного — около пяти утра. Сквозь тонкие занавески уже пробивались первые лучи рассвета, окрашивая комнату в нежно-розовые тона. Сердце забилося чаще: она вспомнила, что солнечный свет может навредить вампиру.

Стараясь не шуметь, Эрика осторожно выбралась из кровати. Каждый шаг делался с осторожностью, половицы в общепитии порой предательски скрипели. Она бесшумно подошла к окну и замерла на мгновение, прислушиваясь к дыханию Радомира. Оно было ровным и глубоким, вампир всё ещё спал.

Эрика медленно потянула за край занавески, плотнее смыкая тяжёлые шторы. Ткань послушно сомкнулась, отсекая первые солнечные лучи. Комната погрузилась в мягкий полумрак. Убедившись, что свет точно не достигнет раскладушки, Эрика обернулась к Радомиру.

Он спал, откинув руку в сторону. Серебристые волосы разметались по подушке, подчёркивая безупречные черты лица. В спокойном сне он выглядел почти как обычный человек — никакой пугающей бледности, никаких признаков сверхъестественной природы. Только абсолютная, почти

скульптурная красота.

Эрика невольно залюбовалась. Но тут же одёрнула себя: сейчас не время для подобных мыслей. Нужно было действовать.

— Радомир, — тихо позвала она, осторожно коснувшись его плеча. — Просыпайся. Уже утро.

Вампир вздрогнул и резко открыл глаза. Его взгляд на мгновение стал настороженным, почти хищным, но тут же смягчился, когда он узнал Эрику.

— Уже утро? — хрипловато переспросил он, садясь на раскладушке и потягиваясь. — Время здесь течёт иначе. В моём веке утро начиналось с криков петухов и стука колёс телег. А здесь... тишина.

— В городе всегда тихо по утрам, — улыбнулась Эрика. — Но скоро всё оживёт: машины, люди, звуки...

Радомир встал и подошёл к окну, осторожно отодвинув край занавески.

— Солнце, — пробормотал он, вглядываясь в рассвет. — Опасно для нас. Я благодарен, что ты позаботилась об этом.

— Я просто... — Эрика замаялась, — хотела убедиться, что тебе будет комфортно. Нам предстоит много дел сегодня.

Вампир повернулся к ней, и в его ярко-синих глазах промелькнуло что-то тёплое.

— Ты и твоя подруга делаете для меня слишком много, — серьёзно произнёс он. — Я не забуду этого.

— Мы ведь договорились: ты помогаешь мне восстано-

вить силы, а мы помогаем тебе освоиться в новом мире, — напомнила Эрика. — Это сделка.

— Сделка, — эхом повторил Радомир. — Но в ней слишком много доброты с вашей стороны.

Эрика почувствовала, как к щекам прилила кровь. Она поспешила сменить тему:

— Давайте позавтракаем. Потом я покажу тебе, как пользоваться телефоном и интернетом, это поможет быстрее понять, как устроен современный мир.

— Да, было бы замечательно, — кивнул Радомир, но в его голосе прозвучала нотка грусти. — Но разве ты забыла, чем завтракают вампиры? Я вот даже не знаю, где в вашем веке найти кровь, желательно человеческую, я не ел уже несколько дней. Но при этом, конечно, никому не хотел бы навредить и не вызвать ни у кого подозрений...

Эрика на мгновение замерла, обдумывая его слова. В голове быстро проносились варианты, но ни один не казался подходящим. Потом её лицо прояснилось.

— У меня есть идея, — тихо сказала она. — Я могу предложить тебе немного своей крови. Так ты хотя бы продержишься, пока мы не найдём какой-то безопасный источник.

Радомир резко поднял взгляд, в его ярко-синих глазах мелькнуло беспокойство.

— Ты же говорила, что ты ведьма-мутант, — напомнил он. — Вдруг твоя кровь может отравить меня?

Эрика не сдержалась и рассмеялась — коротко, нервно,

но искренне.

— Я должна была тебе что-то сказать, чтобы ты не выпил всю мою кровь до капли, — призналась она, слегка улыбаясь. — Конечно же, моя кровь не убьёт тебя. По крайней мере, я на это надеюсь. В любом случае выбора у нас нет, стоит попробовать.

Радомир помолчал, внимательно глядя на неё. В его взгляде читалась борьба: голод боролся с осторожностью, а благодарность, с опасением.

— Ты рискуешь ради меня, — произнёс он наконец. — Даже не зная наверняка, что будет.

— Мы заключили сделку, помнишь? — Эрика подошла ближе и протянула руку. — Ты помогаешь мне восстановить силы, я помогаю тебе освоиться. Это часть сделки. И потом... — она чуть понизила голос, — я верю, что всё будет хорошо.

Когда Эрика протянула ему запястье, Радомир на мгновение замер. Его взгляд скользнул по её лицу, усыпанному веснушками, и встретился с её бездонными зелёными глазами. В тот же миг его ярко-синие глаза потемнели, став почти чёрными, а из-под губ показались длинные острые клыки — белые, блестящие, угрожающе хищные.

Движением одновременно нежным и резким он схватил девушку за руку и вонзил клыки в её запястье.

Эрика ожидала боли — острой, пронзительной, но вместо этого почувствовала нечто совершенно иное. По телу разли-

валась волна странного возбуждения, тёплая и волнующая, словно электрический ток пробежал по венам, соединяя их с вампиром невидимой нитью. Она невольно затаила дыхание, чувствуя, как кровь течёт из неё в него, как пульсируют вены у Радомира на шее, сильные, ритмичные, заволаживающие.

Время будто замедлилось. В комнате повисла странная тишина, нарушаемая только их дыханием, её учащённым, его размеренным. Эрика заметила, как черты лица Радомира меняются: бледность постепенно сменяется едва заметным румянцем, линии вокруг глаз разглаживаются, а осанка становится более уверенной. Он словно оживал прямо на глазах.

Через несколько мгновений вампир отстранился так же внезапно, как и присосался. Его глаза медленно вернули свой обычный ярко-синий цвет, клыки исчезли. Взгляд стал осознанным, внимательным.

Радомир поднёс запястье Эрики к губам и нежно провёл языком по ране. От прикосновения его прохладных губ кожу слегка покалывало, а затем, она увидела, как края раны начали смыкаться прямо на глазах. Через пару секунд на коже не осталось и следа: ни шрама, ни покраснения, только лёгкая пульсация там, где только что был укус.

— Прости, — тихо произнёс Радомир, всё ещё держа её руку в своей. — Я не хотел быть таким резким. Просто голод... он затуманивает разум.

— Всё в порядке, — чуть дрожащим голосом ответила Эрика. Она всё ещё ощущала странное послевкусие, смесь

волнения и непривычной близости. — Ты выглядишь гораздо лучше.

Вампир опустил взгляд на её запястье, затем снова посмотрел ей в глаза.

— Твоя кровь... она необычная, — задумчиво произнёс он. — В ней есть сила. Я чувствую, как она наполняет меня не просто энергией, а чем-то большим. Словно частица твоей магии перешла ко мне.

Эрика слегка улыбнулась, пытаясь скрыть лёгкое замешательство.

— Значит, мой план сработал. Теперь ты сможешь сосредоточиться на изучении нового мира, а не на голоде.

Радомир отпустил её руку, но ещё на мгновение задержал взгляд на её лице.

— Спасибо, — искренне сказал он. — Это больше, чем просто еда. Это знак доверия. И я его не забуду.

Эрика кивнула, стараясь собраться с мыслями.

— Ну что, — она постаралась придать голосу лёгкость, — теперь точно пора завтракать. Для меня — обычным чаем с бутербродами, а для тебя... — она хитро прищурилась, — может, найдём какой-нибудь экзотический сок, который будет напоминать кровь по цвету?

Радомир рассмеялся, впервые с момента их встречи его смех прозвучал легко и непринуждённо.

— Сок — это, конечно, не то же самое, — сказал он, — но я готов попробовать. Особенно если ты будешь рядом!

— Договорились, — улыбнулась Эрика. — Пойдём на кухню. И помни: здесь главное — не пугать людей своими клыками. В XXI веке это не принято.

Радомир подмигнул ей — почти по-человечески, почти весело.

— Постараюсь держать их при себе, — пообещал он.

Они направились к двери, и Эрика поймала себя на мысли, что теперь между ними действительно что-то изменилось. Не просто сделка, а зарождающееся доверие, связь, которая может стать опорой в их совместном пути.

Эрика с Радомиром вышли из комнаты и направились по коридору. Раннее утро придавало пространству особую тишину: свет уже пробивался сквозь высокие окна, но общежитие ещё дремало, люди не проснулись, не хлопали двери, не слышалось шагов и разговоров.

Радомир невольно отпрянул от окна, инстинктивно уклоняясь от солнечных лучей. Но тут же замер, словно прислушиваясь к себе. Медленно, почти недоверчиво, он поднёс руку к свету — прямо под солнечные лучи и замер, ожидая боли или жжения. Ничего не произошло.

— Эрика, — произнёс он тихо, но в голосе звучала нарастающая радость. — Свет... Он не ранит меня.

Он подошёл к окну ближе, решительно распахнул створки и подставил лицо прямо солнечным лучам. Тёплые лучи скользнули по его коже, осветили серебристые волосы, заиграли бликами в ярко-синих глазах.

Эрика замерла, не веря своим глазам. Она шагнула ближе, всматриваясь в лицо вампира.

Никаких признаков ожога, никакой реакции, только глубокое, почти детское удивление в глазах.

— Посмотри, — Радомир повернулся к ней, и в его взгляде читался восторг, граничащий с благоговением. — Вот что сделала со мной твоя кровь. Я могу находиться под солнечным светом, и это не убивает меня. Даже больше... — он сделал глубокий вдох, вбирая в себя утренний воздух, — я чувствую тепло. Настоящее тепло, а не просто холод ночи.

Эрика осторожно протянула руку и коснулась его плеча, будто проверяя, не сон ли это.

— Это... невероятно, — прошептала она. — Я и представить не могла, что так будет. Моя кровь... она не просто дала тебе силы. Она что-то изменила в тебе.

Радомир опустил взгляд на свою ладонь, всё ещё освещённую солнцем.

— В моём веке о таком рассказывали только в легендах, — тихо произнёс он. — Вампиры, способные выносить солнце... Считалось, что это невозможно. Что сама природа проклятия не позволяет.

— Может быть, — задумчиво сказала Эрика, — дело не только в крови. Может, это сочетание: твоя древняя сущность и моя магия. Или... — она чуть улыбнулась, — просто мир меняется, и правила уже не те, что раньше.

Радомир снова поднял лицо к солнцу, на мгновение за-

крыв глаза. Тёплые лучи скользили по его коже, и на губах проступила едва заметная улыбка, почти забытое ощущение.

— Как странно, — прошептал он. — Столько веков бояться света, прятаться во тьме... А теперь я могу просто стоять здесь и чувствовать его. Эрика, я не видел рассвета уже 400 лет.

Эрика замерла, осознавая масштаб сказанного. Четыреста лет — это не просто цифра. Это века одиночества, вечные сумерки, жизнь, спрятанная от дневного света. Она невольно сделала шаг ближе, её голос дрогнул от волнения:

— Четыреста лет... — повторила она тихо. — И всё это время — ни одного рассвета?

Радомир открыл глаза и посмотрел на неё.

— Ни одного, — подтвердил он. — Только луна, звёзды, да редкие огни факелов в ночи. Я уже забыл, каково это, видеть, как небо меняет цвет, как первые лучи касаются земли...

Эрика осторожно коснулась его плеча.

— Теперь ты сможешь видеть их снова, — сказала она мягко. — Каждый день, если захочешь. Рассветы, закаты... Весь мир больше не ограничен ночью.

Радомир медленно кивнул, снова поднимая лицо к солнцу.

— Да, — произнёс он с благодарностью. — Благодаря тебе. Спасибо, Эрика. За этот рассвет. За новый шанс.

Она улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— Пойдём, — предложила она. — Теперь у нас ещё больше причин позавтракать и начать день. Тем более что впереди нас ждёт много открытий, для тебя и для меня.

Радомир в последний раз взглянул на солнце, улыбнулся — по-настоящему, открыто. И шагнул вслед за Эрикой, оставляя за спиной века страха и тьмы.

Позавтракав, Эрика проводила вампира обратно в свою комнату. За окном всюду светило утреннее солнце, отбрасывая длинные тени на пол. Радомир на мгновение задержался у подоконника, подставив лицо тёплым лучам, и улыбнулся, всё ещё непривычно, но уже радостно.

— Мне всё-таки нужно возвращаться на работу, — мягко сказала Эрика, застёгивая куртку. — Там ждут пациента, а я и так задержалась.

Радомир кивнул, всё ещё глядя в окно.

— Понимаю, — отозвался он. — Ты не можешь всё бросить из-за меня.

— Конечно, не могу, — улыбнулась Эрика. — Но и тебя нельзя оставлять без присмотра. Поэтому вот что: оставайся здесь, разбирайся со смартфоном, который я тебе оставила... — она подмигнула, — то есть вручила. Постарайся освоить хотя бы основы: как звонить, как отправлять сообщения, как искать информацию. Я оставила пару закладок с полезными сайтами там всё просто.

Она подошла к столу, поправила стопку книг рядом с телефоном.

— Если что-то будет непонятно, пиши мне. Я постараюсь ответить быстро. А вечером, когда Венера закончит свои процедуры, мы все встретимся здесь. Расскажем ей всё, что произошло, и вместе подумаем, как быть дальше.

Радомир обернулся к ней, в его глазах мелькнуло беспокойство.

— Думаешь, она поймёт?

— Венера поймёт, — уверенно сказала Эрика. — Она моя лучшая подруга, и она уже в курсе некоторых... особенностей нашей ситуации. К тому же она умеет мыслить нестандартно — это нам сейчас очень пригодится.

Вампир подошёл ближе, задумчиво провёл рукой по экрану смартфона.

— Ты права, — произнёс он. — Нельзя бесконечно прятать меня в комнате. Рано или поздно меня всё равно кто-то заметит. И тогда...

— И тогда мы будем готовы, — перебила его Эрика, стараясь вложить в голос как можно больше уверенности. — Мы придумаем легенду. Может, представим тебя как моего дальнего родственника из Малиновска, который приехал на учёбу. Или как исследователя, изучающего старинные обычаи... Вариантов много. Главное — действовать сообща.

Радомир слегка улыбнулся.

— Ты умеешь вселять надежду, — тихо сказал он. — Спасибо.

— Просто не теряй времени даром, — Эрика кивнула на

смартфон. — Изучай мир XXI века. И помни: если вдруг станет тревожно или что-то пойдёт не так, сразу звони. Номер мой ты уже знаешь.

— Знаю, — Радомир поднял взгляд. — Буду ждать вечера. И... спасибо, что доверяешь мне настолько, чтобы оставить одного.

— Я доверяю не просто так, — Эрика открыла дверь. — Я доверяю, потому что вижу: ты хочешь адаптироваться. И у тебя получится.

Она махнула рукой на прощание и вышла в коридор. Радомир остался у окна, глядя, как её силуэт исчезает за поворотом. Он медленно вернулся к столу, взял смартфон и внимательно посмотрел на экран.

«Мир XXI века, — подумал он. — Пора познакомиться с тобой поближе».

Пальцы коснулись иконки браузера, и экран засветился, открывая перед ним бескрайние просторы интернета — нового, удивительного мира, в котором теперь ему предстояло жить.

Глава 11. Искры прошлого

Утро выдалось на удивление ясным и тёплым. Эрика вышла из общежития для сотрудников и неторопливо направилась в сторону стационара. Тропинка вилась между старыми клёнами, отбрасывающими на землю кружевные тени. Воздух пах свежестью, после вчерашнего дождя земля ещё не успела высохнуть, и в лужах отражались клочья облаков.

За поворотом открылась спортивная площадка. Эрика невольно улыбнулась: там уже вовсю шла зарядка. Группа пациентов выполняла упражнения под бодрый голос тренера ЛФК, а рядом с ним, энергично повторяя движения, была Венера. Она не просто занималась, она помогала: подправляла положение рук у кого-то, ободряюще кивала другому, даже показывала, как правильно дышать. Её лицо светилось такой живой радостью, что Эрика на мгновение замерла, любясь этой картиной.

Она невольно отметила, как естественно Венера двигается рядом с тренером Алексеем. Они всё больше сближались, и это уже было видно невооружённым взглядом. Алексей мягко поддерживал Венеру за локоть, когда та выполняла сложное упражнение, а она в ответ благодарно улыбалась. В их жестах появилась какая-то особая лёгкость, взаимное понимание: тренер чуть кивал, и Венера сразу угадывала его мысль, делала шаг в сторону или меняла положение рук.

Несколько раз их взгляды встречались, и в этих мгновениях читалось что-то большее, чем просто взаимодействие пациента и специалиста.

«Она действительно идёт на поправку, — с облегчением подумала Эрика. — И, кажется, не только физически...»

Она двинулась дальше, к стационарному корпусу.

Путь был недолгим, но не успел он завершиться, как её на полпути перехватила главный врач, Алёна Николаевна. Та шла быстрым шагом, чуть запыхавшись, и, увидев Эрику, остановилась, поправив очки на переносице.

— Эрика, подожди! — голос у неё был встревоженный. — У меня для тебя новость: к нам едет с проверкой хозяин центра — Максим Андреевич Моисеев.

Эрика замерла. Имя прозвучало так отчётливо и так знакомо, что внутри всё похолодело.

«Максим Андреевич... Моисеев...» — мысленно повторила она, и в голове будто щёлкнул выключатель.

Это был он. Тот самый нарколог из Малиновска. Тот, кто потребовал взятку за то, чтобы устроить Венеру в реабилитационный центр.

Перед глазами всплыли детали: кабинет с тёмными шторами, тяжёлый взгляд, перстень с тёмным камнем на пухлом пальце, небрежно брошенная фраза: «Всё можно устроить, если подойти с умом».

Тогда, чтобы спасти Венеру, они пошли на отчаянный шаг. Бабушки встретились ночью — бабушка Эрики и ба-

бушка Венеры. Они сидели за старым кухонным столом, дрожащими руками раскладывая сбережения: потрёпанные купюры, несколько монет, свёрнутые в тряпочку серебряные ложки, которые хранились «на чёрный день». Это были их совместные «похоронные накопления» то, что копилось годами, откладывалось по копейке, береглось с тихой надеждой на достойную старость.

Бабушка Венеры, вытирая слёзы, сказала:

— Пусть лучше наша девочка поправится. Пусть у неё будет шанс.

Бабушка Эрики молча кивнула, достала из кармана передника последний свёрток с деньгами и положила его поверх остальных:

— На двоих — легче. А старость... старость как-нибудь переживём.

Они отсчитали нужную сумму, каждую купюру брали с болью, будто отрывали частицу себя. Деньги были тёплые от рук двух старушек, пропитанные их тихими молитвами и жертвенностью. На следующий день Эрика с Венерой передали взятку Моисееву. Эрика старалась не смотреть ему в глаза, ей было стыдно, горько и страшно одновременно. Но выбора не было: здоровье подруги стоило этой жертвы.

И вот теперь он приедет сюда, в их центр. В место, где Венера наконец начала выздоравливать.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросила Алёна Николаевна, заметив, как изменилось лицо Эрики.

— Да, — машинально ответила та, стараясь взять себя в руки. — Просто... я уже слышала это имя. И не в самом приятном контексте.

Главный врач нахмурилась:

— Расскажи подробнее. Если у нас есть повод насторожиться перед проверкой, лучше знать заранее.

Эрика сделала глубокий вдох.

— Это врач из моего города. Он помог устроить Венеру сюда... за вознаграждение. Деньги были не мои, бабушки отдали свои похоронные сбережения. Совместные. Они встретились ночью, сложили всё, что было, и отдали нам. Я не знаю, какие у него планы сейчас, но мне кажется, что его визит, не просто формальность.

Алёна Николаевна задумчиво постучала пальцами по папке, которую держала в руках.

— Понятно. Значит, будем начеку. И попросим персонал быть особенно внимательными. А ты... ты могла бы помочь мне проследить, чтобы всё прошло гладко? Особенно в отделении, где находится Венера.

— Конечно, — кивнула Эрика. — Я сделаю всё, чтобы никто не навредил ей и другим пациентам.

Они обменялись понимающими взглядами. Алёна Николаевна слегка сжала плечо Эрики:

— Спасибо. Я рада, что могу на тебя положиться. Эрика улыбнулась в ответ, но в груди всё ещё шевелилось тревожное предчувствие.

Она снова посмотрела в сторону спортивной площадки. Венера всё ещё была там — теперь она смеялась, что-то обсуждая с тренером. Алексей что-то показывал ей, склонившись ближе, а Венера внимательно слушала, кивая. Солнечный луч упал на её волосы, подсветив их золотистым оттенком.

«Я не позволю ему всё испортить, — твёрдо решила Эрика. — Не после того, как мы столько прошли. Не после того, что сделали наши бабушки. Их жертва не должна быть напрасной».

И, расправив плечи, она направилась к стационарному корпусу, навстречу новому дню, новым вызовам и той внутренней решимости, которая всегда помогала ей идти вперёд.

Войдя внутрь, Эрика привычно прошла в сестринскую, переоделась в медицинскую форму и принялась принимать смену у ночной медсестры. Та, бледная от усталости, быстро вводила её в курс дела:

— Всё стабильно, но у третьего пациента в палате 7 скачок давления был в два часа ночи — стабилизировали. У палаты 12 — капельницы на 9:00, 11:00 и 14:00. В палате 5 — новый пациент, история болезни на столе, ознакомься.

Все в отделении были взволнованы перед приездом Максима Андреевича Моисеева, но старались выполнять свою работу как обычно. Врачи в кабинетах делали назначения, совершали обходы. Медсёстры ставили капельницы, измеряли давление, аккуратно фиксировали все показатели в кар-

тах наблюдения. Санитарки лихорадочно отмывали, палаты и коридоры, проверяли, чтобы все пациенты были ухожены, а у лежачих больных, чистые подгузники.

Санитарка Алка бегала по коридорам со шваброй, громко покрикивая:

— Куда идёшь по помывому?! Что ты соришь? Я здесь только вымыла!

Её голос эхом разносился по этажу. Казалось, она беспокоилась больше всех: то поправит одеяло у пациента, то проверит, ровно ли стоят стулья в холле, то подбежит к медсестре с вопросом: «А мы точно всё протёрли? А вдруг он заметит какую-нибудь пылинку?»

В этот момент в коридоре появилась постовая медсестра Лика. Она двигалась неторопливо, с какой-то ленивой грацией, и выглядела поразительно спокойной на фоне общей суеты. Лика была тучной женщиной с короткой стрижкой, волосы подстрижены ровно по уши, каштанового цвета. Пухлые розовые щёки, узкие глаза с лёгкой хитринкой, она всегда казалась приветливой, но Эрика хорошо знала: Лика из тех, кто улыбается в лицо, а за спиной не упустит возможности шепнуть коллегам какую-нибудь гадость.

Лика окинула взглядом суету вокруг, чуть приподняла бровь и нарочито медленно поправила бейджик на халате.

— Ну что, паникуем? — спросила она с мягкой усмешкой. — Проверка как проверка. Главное, улыбаться начальству и делать вид, что всё под контролем.

Алёна Николаевна бросила на неё строгий взгляд:

— Ли́ка, сейчас не время для иронии. Помоги лучше про-
верить документацию в палате №1.

— Конечно, конечно, — протянула Ли́ка, всё так же нето-
ропливо разворачиваясь. — Сейчас займусь.

Эрика невольно нахмурилась, наблюдая за её плавными,
почти вальяжными движениями.

— Держимся уверенно. И помним: мы здесь для пациен-
тов. Всё остальное, второстепенно.

Эрика закончила свои обычные медсестринские дела: по-
ставила капельницы, сделала необходимые уколы, внесла за-
писи в карты пациентов. Всё это она проделывала машиналь-
но, привычно, движения отточены многомесячной работой,
а мысли то и дело возвращались к предстоящей проверке.

Она направилась в палату с тяжёлыми пациентами. Взгляд
остановился на мужчине лет сорока, который уже третью
неделю лежал без сознания. Его лицо осунулось, кожа при-
обрела сероватый оттенок, а дыхание было прерывистым.
Эрика подошла к кровати, положила ладонь на его лоб и за-
крыла глаза.

Глубоко вдохнув, она сосредоточилась и проникла в со-
знание пациента. Перед ней развернулась мрачная картина:
тёмный лабиринт коридоров, а в глубине шевелящееся су-
щество с множеством щупалец, оплетающих сознание боль-
ного. «Лярва», — мысленно определила Эрика. Та самая
сущность, что вытягивает жизненные силы, держит человека

на грани между жизнью и смертью.

Собрав волю в кулак, Эрика шагнула вперёд. Она знала, что должна действовать быстро и точно. Взмах руки — и в ладони возник мерцающий шар света. Ещё шаг, рывок и она бросила шар в тёмную массу. Существо издало хриплый вопль, рассыпалось на части и исчезло, развеялось, как дым на ветру.

Эрика почувствовала резкую слабость — будто из неё разом выкачали все силы. Но она устояла на ногах, лишь слегка покачнулась и оперлась на край кровати. Пациент под её рукой вздрогнул, глубоко вздохнул и открыл глаза.

— Где я?.. — хрипло прошептал он, оглядываясь по сторонам. — Развяжите руки, пожалуйста...

Эрика улыбнулась, быстро развязала удерживающие ремни и поправила подушку.

— Всё хорошо, — тихо сказала она. — Вы в безопасности. Теперь вы пойдёте на поправку.

В этот момент из коридора донеслись негромкие голоса:

— Собираемся, он приехал... Максим Андреевич приехал. Держимся ровно, работаем.

Эрика обернулась к двери. Через стеклянную панель она увидела, как по коридору идёт высокий мужчина в дорогом костюме — Максим Андреевич Моисеев. Рядом с ним семенила Лика, лучезарно улыбаясь и что-то оживлённо рассказывая.

Моисеев поздоровался с Ликой так, будто они старые дру-

зья: похлопал по плечу, наклонился ближе и что-то шепнул на ухо. Та заливисто рассмеялась, кокетливо взмахнув ресницами.

Затем проверяющий начал обход. Он неторопливо прошёлся по отделению, заглядывал в палаты, бегло осматривал пациентов, бросал короткие вопросы врачам и медсёстрам. Его взгляд был цепким, оценивающим, а движения — уверенными, почти властными.

Остановившись у поста медсестёр, Моисеев окинул взглядом отделение и задал вопросы, от которых у Эрики похолодело внутри:

— Почему так мало тяжёлых пациентов поступает? И почему они у вас так быстро выходят из делирия? Почему корпус с теми, кто пошёл на реабилитацию, переполняется так быстро? Почему так мало детоксикации? Неужели вы научились лечить пациентов «одним прикосновением»?

Его голос звучал насмешливо, но в глазах читалась настоятельность. Он обвёл взглядом собравшихся сотрудников. В этом взгляде было что-то знакомое: тот же холодный расчёт, что и тогда, в кабинете, когда он брал взятку.

Алёна Николаевна выступила вперёд, сохраняя спокойствие: — Мы добились прогресса в методах лечения, Максим Андреевич. Комплексный подход, сочетание медикаментозной терапии и реабилитационных практик даёт хорошие результаты.

— Хм, — Моисеев прищурился. — Посмотрим, посмот-

рим... Проведите меня в палату №7. Хочу увидеть вашего самого сложного пациента.

Моисеев вошёл в палату, где всего несколько минут назад Эрика помогла пациенту прийти в сознание. В отделении все считали этого мужчину почти безнадежным: у него диагностировали Корсаковский синдром с необратимыми изменениями в головном мозге.

Врачи предполагали, что он навсегда останется в стенах центра, а его родственникам придётся пожизненно оплачивать содержание.

Когда Максим Андреевич увидел мужчину в полном сознании, сидящего на кровати и спокойно разговаривающего с Эрикой, на его лице отразилось наигранное изумление. Он широко распахнул глаза, всплеснул руками и воскликнул:

— О, как хорошо, боже мой! Мой дорогой пациент пришёл в себя! Какая радость!

Он шагнул к кровати, протянул руку, будто собираясь похлопать пациента по плечу, но в последний момент передумал и просто сложил руки на груди. Его улыбка была слишком широкой, а глаза, слишком холодными. — Выглядите замечательно, — продолжил Моисеев, склонив голову набок. — Просто поразительно. Расскажите, как вы себя чувствуете?

Пациент, ещё слабый, но явно пришедший в себя, слегка нахмурился, будто пытаясь вспомнить что-то важное:

— Лучше... намного лучше. Голова ясная, мысли чёткие.

Я помню, что со мной случилось, помню, как попал сюда...

— Вот это да! — Моисеев хлопнул в ладоши, но звук получился резким, неестественным. — Просто чудеса какие-то! И кто же помог вам так быстро восстановиться?

— Медсестра Эрика очень помогла, — просто ответил пациент. — Она была рядом, поддерживала.

Моисеев медленно повернулся к Эрике. Его взгляд скользнул по ней, оценивающе, цепко, будто он пытался разглядеть что-то скрытое.

— Эрика, значит? — протянул он. — Очень интересно. И как же именно вы помогли? Какие методики применяли?

Эрика почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она знала: говорить о своём даре нельзя. Это вызовет только подозрения, может поставить под удар и её, и пациентов.

— Мы использовали комплексный подход, — спокойно ответила она. — Поддерживающая терапия, психологическая работа, постепенная активизация. Всё в рамках утверждённого протокола.

— Да-да, конечно, протокол... — Моисеев усмехнулся уголком рта. — Но ведь у него был Корсаковский синдром. Необратимые изменения, если я правильно помню историю болезни. Как же вы добились такого прогресса?

Алёна Николаевна шагнула вперёд, закрывая собой Эрику:

— Максим Андреевич, мы действительно добились прогресса благодаря слаженной работе всего коллектива. Ком-

плексный подход, индивидуальный подбор терапии, внимание к каждому пациенту — вот наши главные принципы.

— Хм, — Моисеев снова окинул взглядом палату, задержался на капельнице, на записях в карте, на лице пациента. — Посмотрим, посмотрим... Надеюсь, это не единичный случай. Проведите меня дальше.

Он развернулся и направился к двери, но перед выходом обернулся, бросив на Эрику ещё один долгий, изучающий взгляд. В нём читалось то самое загадочное недовольство, будто он увидел, что-то, что не вписывалось в его планы.

Как только дверь за ним закрылась, пациент слабо улыбнулся Эрике:

— Спасибо вам. Я чувствую, что теперь смогу вернуться домой.

— Конечно сможете, — тихо ответила она, сжимая его руку. — Теперь всё будет хорошо.

Смена подошла к концу. Эрика только и мечтала о том, чтобы быстрее прийти в свою комнату и провести ритуал с кровью Радомира для восстановления, это был единственный шанс сохранить силы и дальше использовать свой дар.

Она достала телефон и набрала Венере:

— Я уже иду к себе, — тихо сказала Эрика. — Можешь покидать свой корпус и направляйся к общежитию. Нужно кое-что обсудить.

Убрав телефон, Эрика направилась по коридору к выходу. Проходя мимо кабинета главного врача, она невольно замед-

лила шаг: дверь была приоткрыта, а из-за неё доносились напряжённые голоса. Эрика замерла, стараясь не выдать своего присутствия, и прислушалась.

— Алёна Николаевна, — жёстко произнёс голос Моисеева, — за что я вам плачу? За что платят нам пациенты? Мы вкладываем огромные средства в реабилитацию, в детокс, создаём условия, обеспечиваем персонал... А у вас детокс длится три дня, и вы тут же переводите пациентов в реабилитацию. Они проходят курс не год, как положено, а два-три месяца, и возвращаются на свои рабочие места!

Пауза. Эрика слышала, как он сделал несколько шагов по кабинету, каблуки глухо стучали по паркету.

— Если мы не сможем поддерживать необходимый уровень финансирования, — продолжил он, и в его голосе зазвучала угроза, — наш центр просто закроется. Вы понимаете, что вы творите?

Алёна Николаевна ответила не сразу. Её голос звучал сдержанно, но твёрдо:

— Максим Андреевич, мы добиваемся результатов. Люди выздоравливают быстрее, потому что мы нашли подход, который действительно помогает. Разве не в этом наша цель?

— Ваша цель, видимо, да, — холодно усмехнулся Моисеев. — А моя цель — сохранять устойчивость этого учреждения. И его доходность.

— Вы хотите, чтобы мы искусственно затягивали лечение? — в голосе Алёны Николаевны прозвучало негодова-

ние. — Чтобы люди страдали дольше, только чтобы центр получал больше денег?

— Я хочу, чтобы всё шло по плану, — отрезал Моисеев. — По проверенной схеме. Мы не благотворительная организация, Алёна Николаевна. Мы бизнес. И если вы не сможете это обеспечить... Вы же не хотите потерять работу?

Он сделал паузу, давая ей осознать сказанное, а затем продолжил уже мягче, но не менее угрожающе:

— Я не знаю, что у вас здесь происходит. Какие методики, какие «инновации», но такая работа явно не способствует финансовой стабильности центра. Она выбивается из графика поступлений, нарушает баланс расходов и доходов. Это не просто неэффективно, это опасно для всего проекта.

Эрика почувствовала, как внутри всё сжалось. Она осторожно отступила от двери, стараясь не шуметь, и быстро направилась к лестнице. В голове крутились слова Моисеева — холодные, расчётливые, лишённые всякого сострадания.

«Значит, дело не только в проверке, — думала она, спеша к своей комнате. — Он видит в пациентах лишь источник дохода. А мы... мы мешаем его планам».

В кармане завибрировал телефон, Венера сообщала, что уже подходит. Эрика ускорила шаг. Ей срочно нужно было восстановить силы, а потом обсудить с подругой, что делать дальше. Слишком многое теперь стояло на кону.

Эрика еле добралась до своей комнаты. Ноги подкашивались, в висках стучала кровь, а перед глазамиплыли тёмные

пятна. У самой двери её уже ждала Венера — встревоженная, с поджатыми губами и широко раскрытыми глазами.

— Эрика! — воскликнула она, подхватывая подругу под руку. — Что с тобой? Ты вся белая...

Они открыли дверь и вошли. У окна их ждал Радомир. Его лицо озарилось радостью, но тут же омрачилось, когда он увидел состояние Эрики.

— Наконец-то! — начал он, но тут же осёкся. — Как же долго длилась твоя смена... Эрика, что случилось? Ты выглядишь так, будто вот-вот упадёшь.

Девушка не ответила. Она просто упала на кровать, едва найдя силы снять обувь. Даже открыть дневник Антонины Фёдоровны Воронцовой, чтобы свериться с инструкцией по ритуалу, не было сил, веки слипались, а руки дрожали.

Радомир тут же оказался рядом. Его глаза, полные тревоги, внимательно изучали лицо Эрики.

— Может быть, капля моей крови придаст тебе силы? — тихо предложил он. — Хоть бы просто так, без ритуала... Он уже потянулся к ножу, намереваясь разрезать своё запястье.

Эрика с трудом подняла голову и слабо улыбнулась:

— Какие ещё средневековые методы? — прошептала она. — Я же тебе не вампир. Собрав остатки воли, она поднялась, подошла к шкафчику и достала жгут, шприц и салфетку с антисептиком. Движения были автоматическими, годами отточенный навык взял верх над изнеможением. Аккуратно наложив жгут, она обработала кожу салфеткой, уверенно ввела

иглу в вену Радомира, набрала несколько миллилитров крови и осторожно сняла жгут. Затем размешала кровь в стакане с минеральной водой и машинально выпила. На мгновение воцарилась тишина. А потом Эрика ощутила, как по телу разливается прилив энергии, словно кто-то разжѐг внутри маленький костѐр. Слабость отступала мгновенно, мысли прояснились, а мышцы наполнялись новой силой.

— Ну вот, это помогло, — выдохнула она. — С ритуалом разберѐмся позже. Сейчас у нас есть дела поважнее.

Она опустилаcь в кресло, глубоко вздохнула и повернулась к Венере:

— Утром было кое-что важное, — начала Эрика. — Радомир совсем ослабел, и мне нужно было хоть как-то его поддержать. Я дала ему немного своей крови, буквально пару капель, просто чтобы он смог продержаться до вечера.

Венера широко распахнула глаза:

— Ты дала ему свою кровь? Но... разве это безопасно?

— Оказалось, что не просто безопасно, — улыбнулась Эрика, — а даже полезно. После этого Радомир подошёл к окну, и солнечный свет его не убил. Он стоял там, смотрел на улицу, шурился от лучей... и ничего. Никакого жжения, никакой боли. Он смог побыть на свету минут десять, Вень!

Венера перевела взгляд на Радомира:

— Правда? — выдохнула она. — Ты был на солнце?

Радомир кивнул, и на его лице появилась чуть смущѐнная, но искренняя улыбка:

— Да. Это было... невероятно. Лучи не обжигали, не вызывали боли. Просто тепло, свет, жизнь. Я даже вдохнул поглубже, и никакой реакции. Это точно связано с твоей кровью, Эри.

— И это настоящий прорыв, — подхватила Эрика. — Если мы поймём механизм, сможем помочь и другим... Но сначала нужно разобраться с другой проблемой.

Она коротко пересказала Венере подслушанный разговор Моисеева с Алёной Николаевной:

— Он в ярости из-за того, что пациенты выздоравливают слишком быстро. Три дня детоксикации, и они уже в реабилитации. Два-три месяца вместо года и возвращаются к нормальной жизни. Для него это катастрофа: центр теряет деньги. Он прямо угрожал Алёне Николаевне увольнением.

Венера слушала, всё больше бледнея.

— То есть он хочет, чтобы люди страдали дольше? — прошептала она.

— Именно, — кивнула Эрика. — Для него пациенты — это не люди, а источники дохода.

Радомир, до этого молча слушавший, сжал кулаки:

— Значит, наша задача — не просто помогать людям выздоравливать, а делать это ещё быстрее. Показать, что человеческая жизнь ценнее денег.

— И мы покажем, — твёрдо сказала Венера. — Вместе.

Все трое переглянулись. В их взглядах читалась решимость. Но тут Эрика нахмурилась и добавила:

— Да, это всё хорошо, — сказала Эрика, — но мы всё ещё не знаем, что делать с Радомиром. Мы не сможем прятать его здесь слишком долго. Учитывая все обстоятельства с этими проверками. Легенды про дальних родственников... Не самая лучшая идея. Я просто представила, что будет, если кто-то из комиссии увидит его. Он же пока никому, кроме нас с тобой, не знаком. Лика на него ещё не смотрела, да и вообще его никто, кроме нас двоих, не видел.

— Точно, — подхватила Венера, задумчиво постукивая пальцем по подлокотнику кресла. — Пока что он наш маленький секрет. Но чем дольше мы его скрываем, тем выше риск, что кто-то случайно наткнётся. Особенно с этими внезапными «большими начальниками»...

Радомир провёл рукой по волосам:

— Я понимаю, что создаю проблемы. Может, мне стоит... уйти? Подальше отсюда, пока не разберёмся, как закрепить эффект от нашей крови?

— Нет, — решительно перебила Эрика. — В одиночку ты будешь слишком уязвим. Нам нужно придумать план, который позволит оставить тебя здесь, но сделать твоё присутствие незаметным.

— Или даже... — Венера прищурилась, — ...легальным. Что, если мы придумаем для Радомира роль в центре? Не пациента, а, скажем, помощника? Консультанта по нестандартным методам?

— Рискованно, — нахмурилась Эрика. — Моисеев сра-

зу начнёт копать. Но... идея интересная. Нужно продумать каждую деталь.

— Давайте начнём с малого, — предложил Радомир. — Я могу помогать по ночам. Убирать, разносить медикаменты, что угодно, лишь бы не сидеть без дела и не подвергать вас риску. По крайней мере, так мы хотя бы поймём, сколько я могу находиться на свету, — добавил он. — Сегодня я стоял у окна десять минут. Завтра попробую выйти в коридор, может эффект усиливается?

— Логично, — кивнула Венера. — Постепенное тестирование. И параллельно ищем способ легализовать твоё присутствие.

Эрика улыбнулась, впервые за день чувствуя прилив надежды: — Отлично. Значит, план такой: Радомир тестирует устойчивость к свету, мы с тобой, Венера, ищем варианты его «официального» трудоустройства. И параллельно, изучаем ритуал по дневнику Антонины Фёдоровны. Времени мало, но теперь у нас хотя бы есть направление.

— А знаешь, что ещё? — внезапно сказала Венера, выпрямившись в кресле. — Может, нам стоит рассказать всё как есть Алёне Николаевне?

Эрика резко подняла голову:

— Что? Веня, ты с ума сошла? Это слишком опасно.

— Послушай меня, — настойчиво продолжила Венера. — Алёна Николаевна, понимающая, чуткая женщина. Она должна нам поверить, сначала про исцеление пациентов, а в

конце концов и про Радомира. Она видит, как быстро идут на поправку люди, наверняка уже задавалась вопросом, в чём секрет.

— Но, если она не поверит? — нахмурилась Эрика.

— Даже если не поверит сразу, — уверенно ответила Венера, — у неё есть шанс разобраться. Она не станет сразу бежать к Моисееву с доносом. А если мы откроемся ей, у нас появится союзник внутри системы. Кто-то, кто может прикрыть нас, помочь спрятать Радомира или придумать для него легенду.

Радомир внимательно слушал, склонив голову набок.

— Венера права, — тихо произнёс он. — Риск есть, но и выигрыш может быть огромным.

Эрика помолчала, взвешивая все «за» и «против». В её глазах читалась борьба, страх и осторожность сталкивались с надеждой и отчаянием. Наконец она медленно кивнула:

— Хорошо. Мы попробуем. Но будем предельно осторожны. Сначала я поговорю с ней наедине, проверю реакцию, пойму, насколько она готова к правде. А потом, если всё сложится, расскажем остальное.

— Вот и отлично, — улыбнулась Венера, взяв подругу за руку. — Вместе мы справимся.

Трое друзей снова переглянулись, на этот раз с новой решимостью. Впереди их ждали непростые решения, но теперь они знали главное, держаться вместе и верить в тех, в ком есть человечность и душа, а не только мешки с деньгами и

дорогой внедорожник.

Глава 12. Путь к доверию

Наступило утро. Венера отправилась по своему графику, она всё ещё находилась на реабилитации, поэтому её день начинался с обливаний, зарядки и других процедур. Эрика осталась в комнате с Радомиром.

Они сидели у окна, за которым медленно плыли облака, и обсуждали, как лучше рассказать всё Алёне Николаевне.

— С чего лучше начать? — задумчиво спросила Эрика, теребя край рукава. — Может, спросить у неё напрямую: «Видите ли вы, как быстро выздоравливают пациенты?» Дать ей самой сделать выводы?

Радомир откинулся на спинку стула, задумчиво постукивая пальцами по столу:

— Это слишком прямолинейно. Она может насторожиться. Лучше подвести её постепенно. Например, начать с того, что ты давно замечала: в реанимации, чувствовала присутствие смерти ещё до того, как мониторы начинали пищать. Это же правда?

Эрика кивнула:

— Да, я действительно это ощущала. Но как объяснить, что теперь я не просто чувствую, я могу что-то менять? Что я вижу эти тёмные сущности, «лярв», и могу их изгонять?

— Может, начать с конкретного случая? — предложил Радомир. — С того пациента, который пришёл в себя вчера.

Сказать, что ты использовала особые техники психологической поддержки, которые узнала от кого-то...

— От Антонины Фёдоровны, — подхватила Эрика. — Да, и как это может сработать? Рассказать, что в поезде, когда мы ехали сюда, она угостила меня пряником и между делом поделилась своими знаниями? Сказала, что у меня есть дар, который нужно развивать? Что она научила меня некоторым приёмам...?

Она замолчала, погрузившись в воспоминания.

— Меня точно сочтут сумасшедшей и вышвырнут из центра по статье...

Радомир внимательно следил за выражением её лица:

— Звучит правдоподобно, вообще-то. Главное, не вываливать всё сразу. Дать ей время осознать. И подчеркнуть, что это помогает пациентам выздоравливать быстрее.

— Но что, если она спросит про тебя? — Эрика подняла глаза на Радомира. — Про то, почему тебя никто не видел? Про то, что ты можешь находиться на солнце?

— Тогда скажем правду, — спокойно ответил он. — Что я — часть этого дара. Что твоя кровь дала мне шанс. Но это уже второй этап разговора. Сначала нужно подготовить почву.

Они продолжали обсуждать детали, выстраивая цепочку аргументов, подбирая слова, продумывая возможные вопросы и ответы. Время летело незаметно. Эрика то предлагала один вариант, то отвергала его в пользу другого, Радомир

вносил свои коррективы, дополнял, уточнял. Так они не заметили, как наступил вечер. За окном сгущались сумерки, окрашивая небо в фиолетовые и розовые тона.

— Всем привет, весело ворвалась в комнату Венера.

— Как протекает «мозговой штурм»?

— Кстати, — Радомир потёр живот, — я, кажется, чертовски голоден. Мы так увлеклись разговором, что пропустили обед.

Эрика рассмеялась:

— Действительно. И как это мы не заметили, сколько времени прошло?

Венера направилась к мини-холодильнику. Открыв дверцу, она достала пару яблок, сыр и нарезанные овощи, простые закуски, которые всегда были под рукой.

— Сначала ужин, — произнёс Радомир с лёгкой улыбкой. — Голодный мозг плохо соображает. Но сперва... — он на мгновение замер, взглянув на Эрику и Венеру. — Если вы не против, мне нужно немного поддержки.

Венера тут же понимающе кивнула и закатала рукав:

— Конечно. Сколько нужно?

— Совсем немного, — мягко ответил Радомир. — Пару капель хватит, чтобы собраться с силами.

Эрика молча подошла ближе:

— Давай лучше я. Сегодня моя очередь.

Радомир повернулся к ней. Его глаза вдруг потемнели, в глубине зрачков вспыхнул едва уловимый алый отблеск. На

мгновение лицо его изменилось, черты стали острее, а из-под верхней губы показались длинные, острые клыки.

Он осторожно взял Эрику за запястье, медленно поднёс его к губам. Девушка не отпрянула, напротив, её сердце забилось чаще, по телу пробежала волна уже привычного возбуждения.

Она не чувствовала боли, только странное, волнующее тепло, разливающееся по венам.

Радомир сделал лёгкий прокус, аккуратно, почти нежно, и на мгновение замер, забирая ровно столько крови, сколько требовалось. Его дыхание стало глубже, плечи распрямились, а в глазах снова появился привычный свет.

Затем он мягко отпустил руку Эрики и, не раздумывая, зализал место укуса. Язык коснулся кожи и рана мгновенно затянулась, не оставив ни следа, ни шрама.

— Всё, — тихо сказал он. — Достаточно. Спасибо.

Эрика улыбнулась, закатала рукав и слегка коснулась его плеча:

— Ну вот, теперь ты готов к обсуждению.

Радомир откусил яблоко, нарочито бодро объявил:

— И это исключительно для вида. Чтобы никто не заподозрил, что я не совсем обычный гость этого дома.

Венера фыркнула:

— «Гость», это ты зря. Ты часть нашей команды. И мы найдём способ всё уладить.

Радомир на мгновение задержал взгляд на подруге, затем

кивнул:

— Спасибо. А теперь давайте ужинать по-настоящему. Чем больше вариантов обсудим, тем лучше.

Пока Радомир раскладывал на столе закуски, атмосфера в комнате стала легче. Даже этот необычный ритуал, ставший частью их повседневной жизни, больше не казался чем-то пугающим. Он был просто ещё одним штрихом в картине их дружбы, доверия и общей борьбы за будущее.

Когда тарелки опустели, а чай был допит, Эрика глубоко вздохнула:

— Завтра. Завтра я поговорю с Алёной Николаевной.

— Мы с тобой, — одновременно произнесли Венера и Радомир.

Когда тарелки опустели, а чай был допит, Эрика вдруг посмотрела на часы и воскликнула:

— Боже мой, уже восемь часов! Мне уже пора быть на смене. Я же сегодня иду в ночь.

Она встала из-за стола, и слегка хлопнула себя по лбу:

— Все, ребята, расходимся. Радомир, оставайся в комнате, читай книги и изучай внешний мир через интернет, как всегда. Венера, иди к себе!

Венера, которая как раз допивала последний глоток чая, чуть не подавилась:

— Ой, и правда, время летит. Хорошо, пойду.

Радомир отодвинул тарелку и поднялся:

— Может, я хоть чем-то помогу? Вдруг ночью что-то по-

надобится...

Эрика покачала головой:

— Нет, пока лучше не стоит. Оставайся здесь, так будет безопаснее для всех. К тому же ты только что восстановил силы. Отдыхай.

— Ладно, — Радомир кивнул. — Но, если что — зови. Хоть по телефону.

Эрика улыбнулась:

— Обязательно.

Она повернулась к Венере:

— А завтра, после моей ночной смены, в восемь утра — встречаемся возле кабинета главного врача. Там и расскажем ей всё.

— Поняла, — Венера кивнула, поправляя ремешок сумки. — Буду вовремя. Постараюсь к тому моменту тоже что-то придумать, может, найду какой-то способ подать это так, чтобы она сразу не испугалась.

— Отлично, — Эрика окинула друзей взглядом. — А я, пока буду на смене, если выдастся свободная минутка, ещё раз всё продумаю: как лучше начать разговор, какие примеры привести, как ответить на возможные вопросы.

— Главное — не взваливай всё на себя, — мягко добавил Радомир. — Мы команда. Даже если ты будешь на смене, мы будем рядом мысленно. И готовы подключиться в любой момент.

Эрика благодарно улыбнулась:

— Знаю. Именно это и даёт мне силы.

Она накинула куртку, поправила бейджик, ещё раз окинула взглядом комнату

— Радомир уже устроился у ноутбука, Венера стояла у двери, готовая выйти.

— Всё, я побежала. До завтра, в восемь, у кабинета!

— До завтра, — твёрдо произнесли Венера и Радомир одновременно.

Зайдя в стационар, Эрика привычно приняла смену у дневной медсестры. Знакомый запах антисептиков и лекарств, приглушённый гул аппаратов, тихие разговоры в палатах, всё это мгновенно вернуло её в рабочий ритм.

Она приступила к своим обязанностям: аккуратно заполнила медицинские карты, проверила назначения, отметила динамику состояния пациентов.

Затем Эрика прошла по палатам, внося в график приём лекарств и процедур. Каждому пациенту она уделила внимание: кому-то мягко улыбнулась, кому-то шепнула пару ободряющих слов, кого-то просто внимательно выслушала. В её взгляде читалась не просто профессиональная забота, в нём была та особая чуткость, что позволяла ей замечать то, что ускользало от других.

По графику она ввела седативные препараты тем, кому они были назначены. Руки действовали уверенно, взгляд оставался спокойным, но внутри всё равно теплилось беспокойство: мысли то и дело возвращались к завтрашней встре-

че с Алёной Николаевной.

Закончив с обходами, Эрика вернулась на пост. Быстро и аккуратно заполнила вечернюю документацию — отчёты, журналы, отметки о процедурах. Пальцы привычно скользили по строчкам, а разум всё равно продолжал прорабатывать завтрашний разговор:

«С чего начать? Какие факты привести? Как отреагирует Алёна Николаевна? Что, если она не поверит?»

Она откинулась на спинку стула и на мгновение прикрыла глаза. За окном уже совсем стемнело, в коридоре приглушили свет. Тишину нарушали только редкие шаги медперсонала да отдалённый звук монитора в соседней палате.

Эрика глубоко вздохнула, открыла глаза и достала блокнот. На чистом листе написала крупными буквами: «РАЗГОВОР С АЛЁНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ».

В этот момент в дверь поста раздался лёгкий стук, и, не дожидаясь разрешения, дверь приоткрылась.

На пороге стоял Гоша, с тех пор как Эрика пришла сюда работать, он стал её добрым другом. На вид ему было около 65 лет. Гоша был из бывших пациентов: когда-то попал сюда, а после того, как пошёл на поправку, остался помогать персоналу. Никто из коллектива так и не узнал, что именно побудило его остаться в стационаре санитаром. Может, некуда было идти. Может, привычное место давало ему ощущение стабильности. А может, что-то ещё, скрытое, личное, о чём он никогда не говорил вслух.

Высокий, под два метра, с седыми волосами и глубокими залысинами, он сразу привлекал внимание. Усталые, но добрые глаза смотрели так, будто видели человека насквозь, без осуждения, с пониманием и теплом.

Он охотно помогал «девочкам», разносил капельницы и штативы, участвовал в лёгкой уборке, ассистировал при обработке пациентов. Делал всё это ненавязчиво, с мягкой улыбкой, будто не работу выполнял, а оказывал дружескую услугу.

Все в отделении относились к Гоше по-доброму: его ценили за отзывчивость и надёжность.

Он умел поднять настроение парой слов, а если кому-то требовался совет, к нему шли без колебаний. К Эрике Гоша относился почти как к дочери: с особой заботой, бережностью и ненавязчивой опекой. Их связывала тёплая, искренняя дружба, редкая и ценная в стенах больницы.

Гоша заметил блокнот в руках Эрики, слегка улыбнулся и тихо спросил:

— О чём задумалась, дочка? Вид у тебя серьёзный.

Эрика подняла глаза на Гошу и посмотрела на него тяжёлым, полным внутренней борьбы взглядом. В нём читалась и тревога, и отчаянная надежда, будто она стояла на краю и решалась сделать шаг в неизвестность.

— Гоша, дорогой мой друг, — тихо произнесла она, и голос чуть дрогнул, выдавая волнение. — Я даже не знаю, с чего начать... Но мне так сильно хочется поговорить с тобой

об этом.

Больше всего на свете мне сейчас нужно, чтобы кто-то близкий мне поверил.

Она на мгновение замолкла, сжала пальцами край блокнота, потом глубоко вздохнула и продолжила:

— В общем, я собираюсь рассказать Алёне Николаевне правду о выздоровлении пациентов. О том, что происходит на самом деле. О том, почему некоторые выздоравливают быстрее, чем должны. О том, что я вижу и чувствую то, чего не видят другие...

Эрика перевела дыхание, вглядываясь в лицо Гоши, в его добрые, мудрые глаза, в которых никогда не было осуждения.

— Я хочу, чтобы ты сейчас меня выслушал. И не посчитал, что я сошла с ума. Просто мне так нужно твоё мнение... Ты ведь знаешь, ближе тебя и Венеры у меня здесь никого нет.

Она слегка улыбнулась, но улыбка вышла нервной, дрожащей.

— Ты человек, проживший глубокую жизнь, много видел на своём веку. У тебя такой взгляд, будто ты всё понимаешь, даже то, что ещё не сказано вслух. И мне действительно очень важно поделиться этим именно с тобой. Мне нужна твоя поддержка, Гоша. Хоть слово. Хоть знак, что ты не отвернёшься.

Гоша молча слушал, не перебивая. Его лицо оставалось

спокойным, но в глазах появилось особое внимание, глубокое, сосредоточенное. Он слегка наклонил голову, сделал шаг ближе к посту и тихо, но твёрдо произнёс:

— Говори, дочка. Я здесь. Я слушаю. И никуда не уйду, пока ты не выскажешься до конца.

Эти слова подбодрили её. «Ну уж если Гоша поверит, — подумала Эрика, — то наверняка поверит и Алёна Николаевна». Вдохнув поглубже, она начала свой рассказ — с самого начала, с Малиновской больницы и работы в реанимации.

— Тогда я впервые начала чувствовать пациентов... не так, как остальные, — тихо заговорила Эрика, глядя куда-то вдаль, словно заново переживая те дни. — Я ощущала тех, кто вот-вот уйдёт. Ещё до того, как начинали пищать мониторы. Это было... как шепот на краю сознания.

Она рассказала Гоше всё:

о том, как они с Венерой отдали последние деньги бабушек — буквально всё, что было, — врачу, приехавшему на проверку;

о дневнике Антонины Фёдоровны, который она случайно нашла: выцветшие страницы, странные символы, записи о древних ритуалах;

о ключевом открытии из дневника: для ритуала восстановления сил необходим

древний вампир — существо, способное балансировать между мирами;

о внезапном перемещении в прошлое — как будто сама

реальность треснула и затянула её внутрь;

о поисках и встрече с Радомиром — последним из древнего рода, запертым во времени;

о том, как она помогла ему вернуться в их эпоху;

о том, как Радомир учится адаптироваться к новому миру, осваивает современные реалии и учится контролировать свои силы;

и, наконец, о том, как между ними возникло нечто большее, чем просто связь дара и носителя, — настоящая близость, взаимное понимание и поддержка.

Эрика говорила долго, не пропуская деталей. Она описывала запахи того времени, цвета неба в прошлом, ощущение холода древних стен, дрожь в руках, когда впервые поняла масштаб открывшихся возможностей. Рассказывала о страхах, сомнениях, моментах отчаяния и о том, как вера в правильность пути помогала идти дальше.

Когда она закончила, в комнате повисла тишина. Эрика выдохнула, только сейчас осознав, как сильно напряжены мышцы спины и плеч. Ладони слегка дрожали, а сердце билось часто-часто. Она подняла глаза на Гошу и замерла, ожидая его реакции.

Гоша стоял неподвижно, задумчиво поглаживая подбородок. Его взгляд был устремлён куда-то сквозь Эрику, словно он переваривал услышанное, раскладывал по полочкам, сопоставлял с собственным опытом. Несколько долгих секунд он молчал, а затем медленно кивнул и тихо произнёс:

— Понимаю... — он сделал паузу, подбирая слова. — Это многое объясняет. И в то же время... открывает куда более глубокие вопросы. Но одно я знаю точно: если ты говоришь, что это правда, я тебе верю. Потому что знаю тебя, Эри. И вижу: ты не из тех, кто станет выдумывать ради забавы.

Эрика добавила, чуть помедлив:

— Гоша, а ведь ты тоже бывший пациент... Я понимаю, что ты уже давно поправился и не употребляешь алкоголь. Но я могу попробовать проникнуть в твоё сознание и посмотреть, что стало причиной, изначально, твоего употребления. Может быть, я смогу помочь?

Гоша замер. В его глазах мелькнул страх — давний, глубоко спрятанный, но всё ещё живой. Он на мгновение отвёл взгляд, будто взвешивая что-то внутри себя, а потом тихо произнёс:

— Ну что ж... Попробуй.

Эрика подошла к нему вплотную. Мягко положила ладонь на его лоб, заглянула в глаза, в самую глубину, туда, где таились тени прошлого. На мгновение её дыхание замерло, а зрачки расширились: она проникла в его сознание.

Но, к её удивлению, она не увидела там никаких чудовищ, никаких демонов, терзающих душу. Перед её внутренним взором развернулись сцены из его прошлого, яркие, болезненные, живые.

Сначала она увидела Гошу на работе, он трудился на заводе, в цеху с грохочущими станками. Долгие смены, уста-

лость, чувство, что жизнь проходит мимо. Потом, тяжёлый развод с супругой. В памяти Гоши всплыли их последние ссоры: крики, хлопанье дверей, холодное «нам лучше расстаться».

Дальше, сложные отношения с дочкой. Девочка-подросток, бунтующая, не понимающая отца, который всё время на работе или пытается справиться с болью внутри. Разлука длилась годами: она уехала в другой город, они почти не общались. В сознании Гоши отчётливо звучала фраза, которую он повторял себе снова и снова: «Я плохой отец. Я всё испортил».

Эрика увидела и то, что стало последней каплей: однажды вечером, после особенно тяжёлого дня, он зашёл в магазин и купил бутылку. Сначала — чтобы заглушить боль. Потом — чтобы не чувствовать пустоту. Потом — просто по привычке.

А затем перед её глазами возникла картина настоящего: Гоша в стенах стационара. Он идёт по коридору, помогает медсестрам, улыбается пациентам, разговаривает с Эрикой. И в его мыслях звучит тихий голос: «Здесь я в безопасности. Если я уйду отсюда, я сорвусь. Снова начну пить. Я не готов встретиться с тем, что ждёт меня за этими стенами».

Эрика отпрянула, опустив руку. Её глаза наполнились сочувствием.

— Я видела... — прошептала она. — Видела всё. Гоша, ты не плохой человек. Ты просто пытался выжить. И ты смог

остановиться. Это уже победа.

Гоша глубоко вздохнул, провёл ладонью по лицу, будто стряхивая с себя груз воспоминаний.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Не думал, что кто-то когда-нибудь увидит это так... ясно. Будто ты заглянула прямо в душу.

— Потому что я видела не вину, — мягко ответила Эрика. — Я видела боль. И силу, которая помогла тебе не сломаться. Ты гораздо сильнее, чем думаешь.

Гоша помолчал, потом кивнул — медленно, будто принимая что-то важное.

— Может, ты права... — он выпрямился, и в его глазах впервые за долгое время появился какой-то новый свет. — Спасибо, Эрика. За то, что увидела. И за то, что не осудила.

Эрика улыбнулась и слегка сжала его руку:

— Мы же друзья, Гоша. А друзья именно для этого и нужны.

За окном уже светало. Первые лучи рассвета робко пробивались сквозь плотные шторы, окрашивая стены поста медицинской сестры в нежные персиковые тона. Воздух наполнялся тишиной предрассветного часа, той особенной тишиной, когда мир замирает на мгновение между ночью и днём.

Эрика стояла у окна поста, всё ещё под впечатлением от того, что увидела в сознании Гоши.

Её мысли крутились вокруг нового открытия: она может проникать в сознание людей не только тогда, когда там есть

«лярвы», не только ради изгнания тёмных сущностей.

«Я могу просто заглянуть внутрь... — думала она, чувствуя, как внутри нарастает волнение. — Увидеть самое глубинное, потаённое. Не читать мысли — это другое. Я вижу то, что люди годами прячут даже от самих себя. Их истинные мотивы, невысказанную боль, страхи, которые они не могут назвать вслух...»

Перед глазами вновь всплыли картины из памяти Гоши: его усталость, боль от разлуки с дочерью, страх сорваться снова. И осознание, что за внешней добротой и готовностью помочь скрывалась такая глубокая рана.

Её охватило внезапное желание поделиться этим открытием с Венерой и Радомиром. Вот бы сейчас позвать их, рассказать, показать, как это работает! Но она посмотрела на часы — стрелка неумолимо приближалась к восьми. Через час её уже будет ждать у кабинета главного врача Венера.

«Ладно, — мысленно вздохнула Эрика, — расскажу об этом позже. Сейчас впереди самое тяжёлое — разговор с Алёной Николаевной».

Она глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь в пальцах. В груди теснились и страх, и решимость: она должна рассказать правду. Не только о способностях, не только о Радомире — но и о том, что теперь понимает глубже: каждый человек носит в себе невидимые раны. И, возможно, именно это понимание поможет ей найти нужные слова.

Эрика поправила халат, провела ладонью по волосам, бро-

сила последний взгляд в окно.

Рассвет набирал силу, небо из бледно-розового становилось золотисто-голубым. Где-то в глубине души она почувствовала: этот день станет поворотным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.